

Александр Петров

Всадники Смерти

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Петров

Всадники Смерти

<https://litres.ru/74698878>

SelfPub; 2026

Аннотация

Байкеры Зоны. Посреди аномалий и мутантов. Загадочный одинокий чартер мотоклуба Всадники Смерти, который многие сталкеры считают хозяином Затона, не испытывает особых проблем, пока случайная, как казалось, ссора с миротворцами, не поставила байкеров на грань жизни и смерти...

Содержание

Часть 1: Мишень

5

Конец ознакомительного фрагмента.

91

Александр Петров

Всадники Смерти

*Человек мог бы избежать множества неприятностей,
если бы имел возможность никогда не покидать своего
жилища.*

Лао Цзы.

Часть 1: Мишень

Чернобыль-4

Рядовой-контрактник Витька Чижев, по прозвищу Чиж, считал себя очень удачливым. И это касалось не только его собственной жизни, но особенно удачливым он считал себя в игре. Среди солдат миротворческих сил на базе Д-3, про него ходили разные истории. И правдивые, и не слишком. Однако страсть к игре у него была, видимо, изначально, и никто, ни сослуживцы, ни начальство, не мог ее побороть. Любил Чиж посидеть за карточным столом. Даже деньги откладывал, копил к следующей увольнительной, чтобы едва только оказавшись в Чернобыле-4, сразу устремиться в клуб «Пирамида» на привокзальной площади, и тут же приступить к игре.

В то утро он неплохо начал. Выиграл подряд две партии, и, поскольку народа за столом в такую рань было немного, решил доиграть еще одну. Техасский покер недаром всегда считался самым простым из всех, за пару конов даже неопытный новичок понимал суть игры, а порой мог похвастать и хорошим выигрышем. Чиж новичком не был, и рассчитывал на солидный куш, тем более, что две первые партии взял легко. И ведь мог бы на этом и остановиться, да вот жаба, что сидела внутри, никак не отпускала.

Однако, у судьбы-злодейки, имелись на этот счет совсем иные соображения...

Помимо самого Чижа за столом в то утро сидели еще четверо. Двое летчиков, из группы, пилотировавшей вертолеты, один контрактник-эстонец, имени которого он не знал, и толстый усатый прапорщик Охлопко, из комендантской роты. Прапорщик, как обычно, и сдавал карты. Они нехотя ложились на стол под его мясистыми пальцами, словно сами руки сдающего были им отвратительны. Когда начался последний круг торговли, один из летчиков решил поднять ставку.

— Две штуки сверху, — сказал он и положил на середину стола сложенные пополам купюры.

Эстонец, несколько мгновений смотрел на свои карты, потом кивнул.

— Отвечаю, — сказал он на ломанном русском и тоже положил две тысячные банкноты.

Второй летчик не стал рисковать.

— Я пас.

Прапорщик тоже глянул на свои карты и тяжело вздохнул.

— Пас.

Первый летчик, тот что поднял ставку, с легкой усмешкой посмотрел на Чижа. Его взгляд, насмешливый, с хитрым огоньком, пробуравил Чижа насквозь.

— Ну, герой? Ты как?

Чижу не надо было даже думать. Он верил в свою удачу.

— Ставлю все.

Прапорщик с некоторым недоумением посмотрел на него. Удивился даже эстонец. А хитрая усмешка летчика стала

еще шире.

– Уверен? – спросил он, почесывая переносицу.

Чиж тоже нацепил хитроумную улыбку и кивнул.

– А вот мы сейчас и посмотрим. Ну, вскрываемся?

Летчик засмеялся.

– Это не обязательно, – он медленно, смакуя момент, выложил на стол свои карты. – Дамы и господа, роял-флеш.

Эстонец с шумом втянул в себя воздух, откинулся на стуле и швырнул карты на стол. Охлопко удрученно покачал головой и тоже бросил свои карты. Второй летчик громко чертыхнулся. А Чиж окаменел. Просто сидел, не в силах произнести ни слова, и молча смотрел, как победитель сгребает деньги с середины стола.

– Всем спасибо за игру, – весело сказал летчик, рассовывая выигрыш по карманам.

У Чижа непроизвольно сжались кулаки. В груди вспыхнуло непреодолимое желание вскочить, перевернуть стол на голову этого удачливого гада и стереть с его лица эту паскудную улыбку победителя. Сидевший рядом прапорщик, видимо, заметил, как бледнеет лицо Витьки, торопливо протянул руку и тронул его за плечо.

– Эй, эй, парень! Утомонись. Все по честному было.

Но Витька не слышал. Чувствуя что-то недоброе, летчик замер. И глянул Чижу прямо в глаза.

– Есть проблемы, друг? – тихим вкрадчивым голосом, который, однако, не предвещал ничего хорошего, спросил он.

Охлопко поднялся, подхватил Витьку под локоть и рывком поставил на ноги.

— Да, нет, никаких проблем, — прапорщик повернулся к Чижу. — Ты чего дурака валяешь, Витек? Кулаками решил помахать? Под трибунал захотел? Пошли, я тебя выпивкой угощу. Пошли, пошли.

Удерживая Чижа под локоть, прапорщик настойчиво отвел его от стола.

Возле барной стойки в это утро сидел один-единственный посетитель. Бармен, дядя Леша, крупный высокий мужик лет за пятьдесят, в тельняшке с засученными рукавами, ловко обернулся к двум подошедшим военным и добродушно пробасил:

— По рюмочке или пивка?

— Давай по рюмочке, — сказал Охлопко, потирая руки. — Слава те господи, я сегодня не все еще продул.

При этих словах Чижа передернуло. Он гневно повернулся, но ладонь прапорщика тут же легла ему на плечо.

— Гонор свой сбавь, Витек, — мягким дружелюбным голосом сказал Охлопко и тяжело вздохнул. — Сам ведь виноват. Захотел ва-банк сыграть, вот и сыграл. Два раза тебе сегодня удача улыбнулась. Ну и вышел бы из игры. А так...

— Убью суку, — сквозь стиснутые зубы прошипел Витька.

— Никого ты не убьешь, — прапорщик взял из рук бармена рюмку с водкой и поставил перед Чижом. — На вот, выпей. И дурь эту свою из башки выкинь. Ну, проиграл ты сегодня.

С кем не бывает? Я вон тоже деньги в карманах этого лету-на оставил. И что теперь? Обосраться и не жить? Выпей и забудь.

Витька выпил.

Слова прапорщика его не тронули. Водка огненным ком-ком прокатилась по пищеводу и как-то неуютно устроилась в желудке. Правда, через пару мгновений блаженное тепло начало распространяться от него во все стороны, руки слегка занемели, а напряжение, между тем, никак не уходило. Перед глазами Витьки все еще стояло улыбающееся лицо летчика, в груди продолжала kloкотать злоба, и кулаки снова сжались. Охлопко этого не заметил. Выпив свою порцию водки, он оживленно болтал о чем-то с барменом, и Чиж, не зная, с кем еще можно поговорить, чтобы излить душившую его ярость, оглянулся.

И тут увидел сидевшего слева мужчину.

Это был единственный посетитель бара в столь ранний час. Он сидел почти на самом краю барной стойки, со стаканом чего-то темного в руке и, казалось, смотрел куда-то в пустоту. Чиж повернулся на своем табурете и повнимательнее оглядел сидевшего незнакомца. Вероятно, это был сталкер. Говорили, что некоторые из них наведываются в Чернобыль-4, хотя и редко, но за несколько лет своей службы на Периметре, таких сталкеров Витька еще не встречал.

Мужчина был среднего роста, не шибко мускулистый, но плотный, с коротко постриженными темно-русыми волоса-

ми, в которых уже начала пробиваться седина. Он сидел, полностью погрузившись в свои размышления, словно буддистский монах, отрешившийся от всего земного в поисках нирваны. Пытливые водянисто-карие глаза неподвижно уставились на содержимое стакана. У сталкеров такое бывает. Только вот одет незнакомец был в черную кожаную куртку-косуху, джинсы и «казаки», под каблуками которых поблескивали протянутые витые цепочки, и никоим образом на сталкера не походил. Чиж усмехнулся. Рокеры в самой Зоне, как он слышал, не водились, а этот тип был так похож на рокера, что для полного антуража не хватало только мотоцикла.

Впрочем, Витьке сейчас было все равно. Ему хотелось дать кому-нибудь в морду, выпустить пар. И этот чудик в кошке подходил для такой цели ничуть не хуже других. Главное, это ведь правильно сцепиться...

– Эй, чувак! – окликнул Чиж незнакомца. – Это что у тебя там в стакане?

Незнакомец даже головы не повернул. Но ответил:

– Чай.

– Чай?

– Да. С лимоном.

– Чай с лимоном? – Витька слез со своего табурета. – Ты, че, полоумный? Чай с лимоном! Ха-ха-ха!

Громкий смех Чижа сразу заставил прапорщика обернуться, только вот сделать он уже ничего не успел. Витька

направился к незнакомцу, с явным нетерпением стискивая кулаки. За четыре широких шага он преодолел разделявшее их пространство и снова захохотал.

– И на хера ты пьешь это говно? – рявкнул Чиж, махнув рукой.

Стакан ласточкой взмыл в воздух, расплескивая повсюду свое содержимое, и со звоном врезался в пол, разлетевшись на куски.

Так все это и началось...

Капитан Марат Сабиров открыл глаза, блаженно вздохнул и потянулся, глядя в потолок. Во всем теле ощущалось приятное спокойствие, расслабленность, которую Сабиров так любил. Слева из приоткрытой двери кухни, доносились знакомые звуки. Там что-то шкворчало, звякало и булькало. Лежа в кровати, Сабиров повернул голову. Вставать не хотелось. Ему нравилось лежать вот так, по утрам, пока на кухне готовится завтрак и смотреть в потолок, разглядывая старую, еще советского времени, люстру.

С Ленкой, продавщицей местного военторга, Сабиров познакомился пару месяцев назад, и теперь почти каждые выходные бывал у нее. Это было приятно. Сабиров подумал об этом и улыбнулся. Правда, тут же почему-то в памяти всплыли жена и двое детей, оставленные в Казани, Сабиров поморщился и принялся нещадно бороться с собственной со-

вестью. Эта борьба его разозлила, и капитан, злобно отдернув одеяло, встал с кровати.

Всегда одно и то же.

Только подумал о хорошем, как на тебе. Вспомнилось и все.

Сабиров накинул халат и пошел на кухню.

Оттуда явственно доходил аромат жаренного мяса, и Сабиров в предвкушении еды и женской ласки замер в дверях, как вдруг коридор огласил звонок. Капитан повернулся и недовольно нахмурился. О том, что он здесь знали только его заместитель, лейтенант Дронов, и еще два сержанта из его роты, чтобы в случае крайней необходимости можно было быстро разыскать командира. Все еще хмурясь, Сабиров подошел к входной двери и открыл.

На пороге стоял Охлопко, хлюпая разбитым носом. В углу рта у него запеклась кровь, а под правым глазом грозной тенью наливался здоровый синяк. Сабиров увидел его и даже чуть не отшатнулся от изумления. Прапорщик с каким-то виноватым видом потрогал разбитую губу, снова шмыгнул носом и сказал:

– Товарищ капитан, у нас проблемы...

– Да не знаю я его, – придерживая пакет со льдом возле разодранной скулы, устало проговорил дядя Леша. – Ну, видел пару раз в городе. Иногда ко мне заходил, всегда заказывал.

вал чай с лимоном. Мужик он странный, конечно, но платил сразу. Даже сдачу не брал. Не бузил. Не ругался. Тихий такой был. До сегодняшнего дня...

Сабиров тяжело вздохнул и оглянулся.

Возле стойки бара валялись обломки трех табуретов, перемежку с осколками битого стекла. Чуть поодаль, слева, еще один стол был разломан пополам. На полу темнели две небольшие лужицы крови. Напротив капитана, виновато шмыгая носом, стоял прапорщик Охлопко и два сталкера, которых удалось найти в городе. За стойкой охал бармен. И все это натворил неизвестный мужчина, с которым Чиж угораздило начать ссору.

Сабиров еще раз тяжело вздохнул и посмотрел на сталкеров.

Одного из них, высокого и худого, с веснушчатым лицом, звали Лось. Другой, невысокий, пузатый, по прозвищу Кукольник, постоянно чесал бровь. Ему явно не нравилось находиться здесь, и он первый выразил недовольство:

– Слышь, начальник, ты это, давай заканчивай уже допрос. Мы обратно собирались, когда это...ну...твои пацаны нас сюда притащили...

– Никуда ты не пойдешь, – резко отрезал Сабиров. – Рот закрой.

– Не, начальник, ну это...так дела не делают...

– Никто из вас не выйдет из города, пока не вспомните, кто такой этот мужик в косухе, ясно? И не надо мне тут сказ-

ки рассказывать. Вы все друг друга, так или иначе, знаете. Только молчите.

– Вот же привязался-то, блин... – буркнул Кукольник.

– Не желаем сотрудничать с властями? – зыркнул на него Сабиров. – Может, в карцере хотите посидеть? Денек-другой, а?

Оба сталкера переглянулись. Капитан явно не шутил и не запугивал. У вояк случилось очередное происшествие, их избили, один попал в госпиталь со сломанной рукой. Конечно, понять капитана можно. Он должен как-то отреагировать, чтобы другим было неповадно трогать его людей. Только вот влезать во все эти разногласия военных и сталкера-одиночки, которому не повезло сегодня оказаться здесь и набить морду воякам, не хотелось. И не потому, что все стакеры такие уж благородные и своих не выдают. Нет. Просто завтра на месте этого одиночки может оказаться любой из них.

– Ну? – Сабиров грозно нахмурился. – Память не освежилась?

Лось нехотя выдохнул и покачал головой.

– Ладно, расслабься, командир. Знаю я твоего громилу.

– Дальше?

– Его Фаленом кличут.

– Ну? Дальше, дальше давай! – раздраженно сказал Сабиров. – Мне из тебя, что, клещами все вытаскивать?

Лось поморщился.

– Говорят, за Свалкой где-то живет. Зону почти не покидает, хабар носит только Сидоровичу.

– Как он периметр проходит? Сам или корочки поддельные есть?

– Мне почем знать? – пожал плечами Лось. – Он просто сталкер. Как и мы.

Дядя Леша сменил лед в пакете и грозно рыкнул:

– Просто сталкер?! Ты вокруг посмотри! – он кивнул на Охлопко. – Этих вон двоих орлов отделал, одному руку сломал, и мне засветил! И дернул же меня черт вас придурков разнимать!

Лось опять покачал головой и глянул на бармена.

– Фален и, правда, мужик тихий. А закипеть всякий может, если разозлить...

– Помолчи, – грубо оборвал сталкера Сабиров и повернулся к прапорщику Охлопко. – Давно он ушел?

– Да часа три будет.

Капитан задумчиво прищурился.

– Значит, уже мог пересечь периметр.

– Если налегке пошел, то да.

– Сегодня у нас что?

– Четверг, вроде.

– Четверг? На базе Дронов должен быть... – капитан торопливо вытащил из кармана блокнот. – Я чиркну ему пару слов, а ты передашь. Понял?

– Понял, товарищ капитан.

Сабиров отошел к стойке бара и начал быстро что-то писать. Остальные молчали. Лишь бармен снова зашуршал пакетом, меняя лед.

Наконец капитан оторвал от блокнота листок и протянул его Охлопко.

– Вот, держи. Поедешь на базу Д-3, найдешь в комендантуре лейтенанта Дронова и отдашь лично в руки.

– Есть.

– Да, этих двоих мудаков с собой возьмешь.

Сталкеры возмущенно переглянулись. И Кукольник попытался было возразить:

– Э-э, начальник, ты это...

– Заткнись, – капитан мельком взглянул на него и снова посмотрел на прапорщика. – Если попытаются сбежать, стреляешь на поражение.

– Слушаюсь, – мрачно кивнул Охлопко.

– Да на фига мы тебе, командир?! – с отчаянием в голосе спросил Лось.

– Не на фига, а для дела, – сухо отрезал Сабиров. – Поможете лейтенанту этого Фалена опознать. И дорогу заодно покажете.

Периметр. База Д-3. Час спустя

Лейтенант Дронов, высокий плотно сбитый молодой мужчина, поправил повязку дежурного и молча глянул на задержанного. Вернее, на пойманного патрулем журналиста, ко-

торый пытался пересечь Периметр возле семнадцатого сектора. Разумеется, незаконно, потому что никакой аккредитации для прессы ему никто не давал.

— Ты кто такой вообще? — лейтенант поморщился, глядя на этого якобы репортера одного из ведущих киевских изданий.

— Я бы попросил на «вы», — с гордым видом вскинул голову представитель средств массовой информации.

— Чего?

Дронов нахмурился и еще раз окинул задержанного гордеца брезгливым взглядом. Невысокий, тщедушный, с длинными сальными патлами, облепившими маленький узкий череп, одетый в сильно поношенную толстовку, мятые джинсы и камуфляжную куртку, явно снятую с чужого плеча, поскольку парню она была не по росту, этот журналист очень смахивал на паршивого хиппи. На «вы» он, видите ли, хочет. Да такому куску дерьма надо штык в задницу вставлять для профилактики, чтобы больше не возникало желания самовольно нарушать Периметр.

Ни документов, ни каких-либо карточек или ID, как это принято у всех представителей прессы, у этого парня не оказалось. Единственно, что еще хоть как-то отдаленно намекало на его якобы репортерский характер занятий, так это наличие приличной цифровой фотокамеры «SONY» и смартфона. А еще в карманах у него нашли горсть самокруток с подозрительно ароматно пахнущей субстанцией.

– Ты хоть знаешь, что тебя могут отправить под замок минимум на сутки? – осведомился Дронов, пристально сверля суровым взглядом худое лицо задержанного.

Тот снова решил показать характер.

– Не имеете права!

– Уверен?

– Я буду жаловаться! – визгливо заверещал журналист. – Мой папа...

Дронов вяло махнул рукой, не желая выслушивать весь этот бред. Как только дело доходит до ареста, сразу начинаются угрозы про ближайших высокопоставленных родственников. Ну, у этого паршивца, если они и есть, то, вероятно, это все бомжи Крещатики. Однако репортер оказался голосистым, и этот спор продолжался бы и дальше, но судьба решила иначе — к ступеням комендатуры, где они стояли, торопливым шагом подошли прапорщик Охлопко и два сталкера. Лейтенант уже настолько был сыт по горло беседой с представителем средств массовой информации, что с готовностью повернулся к подошедшим людям. С ними он хотя бы мог говорить о чем-то более конкретном.

Охлопко протянул лейтенанту записку. Он быстро пробежал ее глазами, потом прищурился, удивленно приподнял брови и прочитал еще раз, словно написанное на клочке бумаги явилось для лейтенанта настоящим сюрпризом. И, вероятно, не слишком-то приятным, потому что через минуту Дронов поморщился.

– Он это серьезно? – спросил лейтенант, глянув на Охлопко.

Прапорщик неопределенно пожал плечами.

– Ну...короче, Чижа в больницу отправили. Рука сломана в двух местах и трещины в ребре. Дяде Леше тоже досталось и нам немного перепало...

Дронов снова глянул на прапорщика и кивнул.

– Вижу. Значит, он действительно этого хочет?

– Он не говорил. Но, думаю, не шутит.

Лейтенант шумно вздохнул.

– Ладно, патруль еще здесь. Парням я скажу, чтобы малость задержались. А вот где я фотографа ему найду? У нас тут комендатура, а не фотоателье.

Охлопко опять пожал плечами, дескать, что я тут могу поделать, и его взгляд упал на задержанного парня. Причем даже не на него самого, а на его фотокамеру, все еще болтавшуюся на шее. Дронов перехватил взгляд прапорщика, нахмурился и замотал головой.

– О, нет!

До представителя прессы дошло быстро. Он усмехнулся и как-то издевательски глянул на лейтенанта.

– Между прочим, я получил приз за прошлую фотосессию, – с важным видом заявил журналист.

Прапорщик посмотрел на Дронова.

– А чего тут думать-то? – сказал он. – С собой возьмем.

– Он арестован. За незаконное нарушение Периметра.

– Уже оформили?

– Нет еще.

– Ну, так пусть испкупит. Снимки сделает. Зачем голову ломать?

Дронов посмотрел на ехидно смеющегося арестанта, сплюнул и негромко пробормотал:

– Твою-то ж мать....

Два заляпанных грязью УАЗа шустро катили по растрескавшемуся асфальту в направлении Кордона.

Дронов заметно нервничал. Он то смотрел на электронный планшет с картой, то сверялся с компасом, то наклонялся к водителю и быстро что-то приказывал. В машине был установлен стационарный ПДА, но, несмотря на его наличие, Дронов робко поглядывал на дорогу. Он не любил Зону. И не любил, не потому что боялся. Просто бывал в ней редко, и все вокруг казалось ему незнакомым и враждебным, словно он был новичком в другой школе. Вдобавок ко всему, сидевший позади арестант то и дело поворачивался и щелкал своим фотоаппаратом местный пейзаж. Дронова это жутко раздражало, но он молчал.

Ехавшие во втором УАЗе сталкеры пару раз переглянулись, потом Лось недовольно спросил:

– Куда хоть едем-то?

– Куда надо, туда и едем, – сухо отрезал сидевший впер-

ди Охлопко.

– Слышь, дядя, – недобрым голосом сказал Кукольник, – твой фельдмаршал вообще дорогу-то знает? Мы ведь так скоро к Свалке приедем.

Охлопко повернулся и грозно процедил:

– Рот закрой. Надо будет, остановимся.

Кукольник покачал головой.

– Я смотрю, ты так ни фига и не понял, да? Или че, думаешь, на Свалке вам сильно обрадуются? Там разный народ шастает, тока миротворцев среди них отродясь не было. Цветов для встречи дорогих гостей тоже не дождетесь. Если тока на свои могилки.

– Он прав, – добавил Лось. – На рожон ведь лезем.

Охлопко тяжело вздохнул.

– Вы оба заткнетесь, наконец?

Кукольник усмехнулся, пропустил угрозу мимо ушей и продолжал:

– Не, начальник, я, конечно, понимаю, что всем нам в итоге два метра на постоянную прописку, но вот глупо так вот подышать... Если уж чесать на Свалку открыто, так целым взводом, да еще с парочкой «бэтээров». А не с двумя «коз-ликами» и без пулемета.

– Ты чего раскудахтался, стратег хренов?! – прапорщик резко повернулся, впиваясь гневным взором в лицо сталкера. – Сказано же тебе...

– Да погоди ты со своими приказами, – перебил его Лось.

– Он же дело говорит. Ну, вот приедем мы на Свалку, станем всех спрашивать, как да что, думаешь, результат будет? Да нас уже за версту засекут. И пикнуть не успеем, как изрешетят в капусту. По-умному надо Фалена искать.

– И я про тоже, – кивнул Кукольник.

Охлопко нахмурился и хотел уже было в сердцах выматерить обоих сталкеров, но промолчал. И задумался. По-своему, конечно, сталкеры были правы. Дронов сильно рисковал, когда сунулся на поиски виновника драки с военными только с одним патрулем. Про Свалку можно было бы и забыть. Обычно там много кто бродит, и сталкеры, которые в Зоне частые гости, а кое-кто так и вообще, считай, в ней родимой и живет, эти с военными стараются не бузить. Им ссоры ни к чему, ведь миротворцев понагонят, аресты пойдут, а то и расстрел на месте получишь. Кто там станет разбираться. Иное дело – мародеры или наемники. Первым плевать на законы, правила, предписания и прочую дребедень. Большинству из них уже давно высшая мера положена, им все едино, кого грабить, военных или других сталкеров. И ребята они нервные, форму увидят, сходу палить начнут.

Вторые – профессионалы. По своей воле никогда добровольно в Зону не полезут. Для них это работа. Но ей они дорожат, равно как и своей репутацией. Столкнешься с ними на Свалке невзначай, а они группой шлепают, артефакт редкий для богатенького заказчика из-за границы тащат, да еще экипированы по самые помидоры. И как тут быть? Формаль-

но они нарушили Периметр, и находятся в Зоне незаконно. Даже если начнут документы показывать, все одно – это липа. И что? Арест? Конвоирование до базы миротворческих сил? А у них на руках артефакт под заказ на сумму в шесть нулей. Валютой. И только наивный идиот может надеяться, что они захотят его потерять при аресте...

Вот поэтому, никогда не знаешь, кого можешь на Свалке встретить, и чем ваша встреча закончится. Как говорят сталкеры, там только ленивый не гуляет. Если бы еще график этих прогулок в штабе вывешивали... А, так ведь нет, точно на рожон полезешь...

Прапорщик хмуро посмотрел на сталкеров.

– Ладно, допустим, я понял, что вы тут хотели сказать.

– Слава те, господи... – вздохнул Кукольник.

– Хорош трепаться, – буркнул Охлопко. – Есть что на уме или только воздух сотрясать горазды?

Лось усмехнулся.

– Обижаешь, командир.

– Мыслишка-то одна есть, тока с руководством согласовать надо, – добавил Кукольник.

Охлопко мотнул головой и сказал водителю:

– Посигналь. Два гудка.

Клаксон дважды коротко прогудел, и ехавший впереди УАЗ тут же остановился. Дронов хлопнул дверцей и недовольно вылез наружу.

– Что там у вас? – спросил он, подходя ближе.

Прапорщик приоткрыл дверцу и кивнул на обоих сталкеров.

– Тут...это... – неуверенно сказал он, поглядывая на лейтенанта, – короче, предложение одно есть...

Дронов приподнял левую бровь.

– Чего? Чего?

Кукольник долгими беседами не увлекался. Говорил коротко и, по существу. С его слов выходило, что Фален, якобы, постоянно общался только с одним сталкером-ветераном, которого звали Лесник. Личность среди сталкерской братии легендарная, однако периодически бывающая в баре, не менее известном чем сама Зона – «Сто рентген». Поэтому Кукольник и предлагал вместо шатаний по Свалке свернуть к Востоку и попытать счастья там. Если повезет, то Лесник наверняка обладает информацией касательно Фалена, а если нет, всегда можно перетереть с должниками. У этих-то точно всякого разного можно узнать. Да и в баре кто-нибудь разговорчивый обязательно попадется, Зона ведь она слухами полнится.

Дронов слушал молча, потом нахмурился и спросил:

– А чего сразу про Лесника не сказал?

– Чудной ты какой-то, начальник, – усмехнулся Кукольник. – Ну, вот сказал бы я твоему шефу и что дальше? Нам с Лосем пуля или тюрьма. А так, глядишь, договоримся. Мы тебе поможем, ты нас отпустишь на обратном пути. Все по-честному, чтоб было...

– Ты это о чем? – напрягся лейтенант.

– О том, что без нас в «Долге» с тобой даже знакомиться не захотят. Они там, конечно, за уничтожение тварей и всей Зоны, но тока с военными у них свои терки.

– Да без нас ты не то что до бара, ты даже до блокпоста в Росток не доковыляешь, – добавил Лось. – Это ведь Дикие Территории, нейтральная полоса. И наемники там бывают, и сталкеров всех мастей до кучи. Если что, не дай бог, патронов у тебя не хватит отбиться.

Дронов стиснул зубы.

– Услуга за услугу, значит?

– А как ты думал? Мы просто так и пальцем не шевельнем, – кивнул Лось. – Потому что смысла нам нет, башкой рисковать и без бонусов по Зоне таскаться.

Лицо лейтенанта побелело. То ли от ярости, то ли от бессилия и осознания того факта, что оба сталкера оказались правы. Невозможно колесить вокруг в поисках виновника сегодняшней драки. А кроме этих двух оборванцев, которых никто из миротворцев и за людей-то толком не считал, помочь было больше некому.

– Так что, решай, начальник, – сказал Кукольник и посмотрел куда-то в сторону видневшегося слева перелеска. – Тока быстрее решай. Часа через четыре темнеть начнет. А ночью в Зоне я не ходок. И Лось тоже.

Взгляд Дронова метнулся на Охлопко, но прапорщик лишь пожал плечами, мол, ты здесь начальство, лейтенант,

тебе виднее. Поколебавшись еще пару мгновений, Дронов кивнул.

— Ладно, поехали, — он сурово посмотрел на прапорщика.
— Если что-нибудь пойдет не так, ну, ты знаешь...

Охлопко ответил еле заметным кивком головы. Кукольник засмеялся.

— Не ссы ты, начальник. Все будет пучком. Вот увидишь.
— Надеюсь, — отозвался Дронов и быстро зашагал к своей машине.

Росток. Дикае Территории

— Охренеть можно, — сказал Воронин и потянулся за сигаретой. — Я много чего видел в Зоне, но, чтобы вояки — вот так вот пришли ко мне и просили помочь... Ну, не знаю... Это как трахнуть самку кровососа...

Дронов и оба сталкера сидели в кабинете командира «Долга», наблюдая, как он неторопливо достает сигарету и закуривает. Только здесь, несмотря на всю свою гордость, лейтенант вынужден был признать правоту слов Кукольника. Сами миротворцы никогда не прошли бы блокпост долговцев, а уж о том, чтобы встретиться с их генералом и речи не шло: Воронина охраняли лучше, чем любого президента. По пути сюда Дронов видел много разных сталкеров, и все глядели на военных с явным неодобрением. Если бы не присутствие Кукольника и его товарища, дело наверняка обернулось бы перестрелкой.

Охлопко и остальных должовцы отвели подальше, дабы не привлекать любопытных, ведь весть о вояках, появившихся на базе «Долга», давно расползлась по всему городу. А поскольку должовцы полностью контролировали только восточную часть Ростока, ссоры с другими соседями им были ни к чему. Конечно, заводские комплексы были хорошим оборонительным рубежом, но все это сводилось на нет многочисленностью оппонентов, если бы они всерьез решили, что миротворцам здесь не рады. А личные счета с военными имелись у подавляющего большинства присутствующих в Росток-е сталкеров.

И тоже самое, как успел понять Дронов, было бы с ними и на Свалке.

Только там за порядком никто не присматривал...

– С другой стороны, – произнес Воронин, блаженно затягиваясь сигаретой, – раз ситуация того требует, почему бы и не помочь? В конце концов, мы же все тут одно дело делаем, верно?

Кукольник поспешно закивал, и украдкой ткнул лейтенанта локтем в бок, мол, соглашайся, дурень, не спорь с генералом должовцев. Самому Дронову было как-то не по себе, лгать он не любил, но сейчас иного выхода не оставалось. Пришлось заранее сочинить легенду о пропавшем в Зоне ребенке, найти которого мог исключительно один сталкер Фален. Местонахождение последнего Воронин пообещал выяснить.

– Нам бы побыстрее только, – сказал Лось. – Мальчишка в Зоне пропадет.

– Да, пропадет, – согласился Воронин, взглянув на бледного лейтенанта. – А этот патлатый, которого я видел, выходит, его брат?

– Он самый, – ответил за Дронова Кукольник.

Воронин вздохнул.

– Будем считать, что повезло вам, мужики, – сказал он после небольшой паузы. – Лесник с утра здесь. На базу одного раненого из моих ребят приволок. Так что сейчас наверняка в баре сидит.

– Вот это, правда, повезло, так повезло, – улыбнулся Кукольник.

Но Воронин сурово глянул на него, и улыбка мигом испарилась с лица сталкера.

– Ты особо не танцуй, – голос генерала прозвучал холодно и совсем недружелюбно. – С Лесником осторожно говорить надо, он Фалена, вроде как, за сына считает. Если подумает, что-то плохое, лесом вас всех и пошлет. И не вздумайте на него давить. Он у нас здесь в особом почете, одно его слово и сталкеры вас всех на ленточки пустят.

– Это мы знаем, – кивнул Лось.

– Хорошо, что знаете. Я вам двух провожатых дам, чтобы лишних вопросов не возникало. И машинки свои покамест у меня на базе оставите. А то уже и так весь Росток на уши подняли. Удержу не будет...

Бар «Сто рентген»

Провожатыми оказались двое ветеранов, один с косым шрамом через все лицо, словно бы его голову кто-то попытался разрубить пополам, и суровый длинноволосый блондин, с холодными голубыми глазами и нашивками сержанта. Его звали Пепел, видимо, в шутку, из-за яркой белизны волос. У сталкерской братии, порой, бывает весьма своеобразное чувство юмора.

Когда они подошли к дверям бара, Пепел повернулся к гостям и назидательно нахмурил брови.

— Значит так, пацаны, — сказал он, окинув взглядом лица Дронова и прапорщика, — как войдем, не бузить, не выпендриваться и на разные дурацкие возгласы не отвечать. С Лесником я сам заговорю, вашего брата-миротворца он на дух не переваривает. И запомните, чем быстрее мы оттуда выйдем, тем меньше шансов нарваться на проблемы. Усекли?

Дронов и Охлопко молча закивали в ответ.

— Ладно, пошли.

Все, кто был в баре в этот день, без сомнения, будут еще долго вспоминать, как шумный зал мгновенно замер, едва там показались люди в форме миротворческого контингента. Взгляды сталкеров, удивленные, непонимающие, озадаченные и просто пылающие жуткой ненавистью, словно молнии впились в непрошенных гостей. Над столами повисла гробовая тишина. Дронов даже поежился, ощущая себя, будто вы-

шел на Красную площадь нагишом. Хорошо еще, что в зале никто не имел права носить оружие. Одно неверное слово или движение, казалось, было способно спровоцировать такую бурю, что отсюда вынесли бы лишь ошметки пришедших миротворцев. И только теперь Дронов воочию убедился, насколько оказались правы два пленных сталкера, категорически возражавшие против заезда на Свалку. Никто из них не протянул бы там и пяти минут...

Подойдя к барной стойке, они увидели Бармена, замершего, словно статуя, с распростертыми от крайнего изумления руками.

– Мужики, вы, часом, берега не попутали? – сурово спросил он, глядя при этом на сержанта долговцев.

Пепел миролюбиво улыбнулся.

– Дело у нас. Не обессудь.

– Дело? – брови Бармена ласточками взлетели на лоб. – Это какое же такое дело может быть у «Долга» с ними?

При этих словах Бармен брезгливо кивнул в сторону миротворцев.

Сержант долговцев бегло окинул взглядом стойку бара и заметил сидевшего на самом дальнем краю сталкера в длинном потертом сером плаще. Даже при том, что в баре мгновенно стихло все, он и не думал поворачивать голову. Так и продолжал сидеть на высоком табурете с кружкой пива. Бармен проследил за взглядом сержанта и покачал головой.

– Лесник, это к тебе, что ли?

Услышав свое имя, сталкер соизволил-таки слегка повернуть голову. Длинная окладистая борода, выпростав из-за воротника, казалась взъерошенной.

— Что, Пепел, так с Резаком в напарниках и ходишь? — голос Лесника был немного глуховат, но почему-то слышался отчетливо и пробирал до костей. — Говори, чего хотел?

Сержант обернулся к своему товарищу со шрамом, которого, очевидно, звали Резаком, и кивнул на стоявших рядом миротворцев.

— Посто́й тут, с ними. Я сейчас.

Он отошел от остальных и направился к Леснику. Дронов посмотрел вслед, пытаясь как следует разглядеть легендарного сталкера, однако, тот даже не думал оборачиваться. Так и сидел, демонстрируя свою широкую спину в сером, изрядно потертом, плаще. Лишь кудрявые, коротко стриженные волосы, сверкавшие приличной сединой, и лежавшая на кружке массивная костистая рука говорили о том, что сталкер не предмет интерьера, а живой человек. Настолько незаметным и каменным казался Дронову весь облик Лесника.

Пепел подошел к нему и, остановившись, наклонился к уху. О чем они говорили, никто из миротворцев не слышал, и прапорщик с тревогой поглядывая по сторонам, негромко спросил:

— Товарищ лейтенант, что делать-то станем, если фишка не попрет?

— Не знаю пока, а что?

– Да я вот подумал...

В разговор быстро вмешался Лось, и недовольно буркнул:

– Да помолчите вы, блин. Сейчас все решится.

– Ты мне рот-то не затыкай, – Охлопко нахмурился и грозно сверкнул на сталкера хищной ухмылкой. – Не ты тут командир.

К ним обернулся Резак и одним суровым взглядом завершил назревавший спор. Все замолчали и стали ждать.

Минут через десять Пепел вернулся, и после этого в зале прервалась наступившая с приходом гостей тишина. Все как-то мгновенно потеряли интерес к стоявшим с провожаемыми должовцами миротворцам, и зал понемногу начал погружаться в привычный гул. Сержант обменялся взглядом со своим напарником, тот тотчас отошел немного назад, и Пепел повернулся к лейтенанту.

– Так, порядок, – сказал он, посмотрев сперва на Дронова, а потом на Охлопко. – Лесник с вами поедет, дорогу покажет.

– С нами? – как-то немного озадаченно переспросил лейтенант.

– С вами.

– Мог бы просто на карте показать, – сказал Лось, потом быстро переглянулся с Кукольниковом. – Мы бы и сами ответили.

Дронов посмотрел на прапорщика. Еще один лишний сталкер это проблема. Но, с другой стороны, они точно най-

дут Фалена, а, значит, вскоре уберутся из Зоны ко всем чертям.

Видя какую-то определенную нерешительность военных, Пепел прищурился.

– Что-то не так? – спросил он, пытливо глянув в лицо Дронову.

Лейтенант поспешно улыбнулся.

– Нет, нет, все в порядке. Пусть с нами едет. Лишний ствол в Зоне не помешает, верно?

Охлопко в подтверждение этих слов энергично закивал головой. Долговцы переглянулись между собой, потом Пепел махнул ладонью.

– Ну, тогда топаем назад. Лесник через час будет.

– А здесь нельзя подождать? – спросил Дронов.

Сержант должовцев резко повернул голову и посмотрел на него, как на круглого идиота.

– Ты меня плохо слушал, да?

Дронов пожал плечами.

– Извини. Не подумал.

– А стоило бы. Все, двигаем.

Дронов сидел позади Лесника и с неохотой поглядывал на его широкую спину. Оба УАЗа ехали только ему одному известным маршрутом, петляя, как заяц, удирающий от волков. Лесник молчал, лишь изредка показывал водителю,

куда нужно свернуть. От Востока они поехали сперва на север, по грунтовой дороге, потом свернули на запад, выехав на вполне себе сносный асфальт шоссе. Несколько километров такого покрытия позволили увеличить скорость, однако, потом сталкер указал на юг. И они свернули на просеку, едва-едва продираясь среди редколесья.

Датчики аномалий молчали. Хотя, они вряд ли бы смогли заменить столь опытного проводника, каким являлся Лесник. Казалось, он заранее знал, что и где нужно обогнуть или объехать. Даже толком и на дорогу-то не смотрел. Просто давал указания водителю. Лейтенант мысленно выругал себя за то, что взял с собой так мало людей. Присутствие еще одного сталкера значительно осложнило выполнение приказа. Дронов понятия не имел, как отреагирует Лесник на то, что они собирались сделать. Но предполагал, что проблем с ним избежать не удастся. Впрочем, если дойдет до самого худшего, все равно ничего исправить уже будет нельзя.

По указанию Лесника они объехали небольшой, заросший густым кустарником холм, на отлогом склоне которого бесновалась средних размеров «электра». Машины выкатили на широкую грунтовую дорогу. Справа стоял покосившийся столб с указателем, на высеченном непогодой и временем проржавевшем куске железа едва читалась надпись: «Мартиново». Дронов увидел вдалеке крыши домов и полез было за своим планшетом, чтобы сверить координаты, как вдруг оба УАЗа резко остановились. Дорогу перекрывали два со-

лидного размера дерева, поваленные один возле другого. Рядом была большая странного вида воронка. По краям она словно бы оплавилась. Осыпавшаяся куда-то вовнутрь земля затвердела, напоминая грязное стекло. Лесник обернулся к лейтенанту и сказал:

– Все, приехали. Дальше пешком.

Дронов вылез из машины, подав знак остальным. Вокруг не было ни души, только с легким поскрипыванием деревьев от ветра шумел лес. Лейтенант взглянул на машины. Оставить здесь хотя бы пару человек для охраны он не мог, в деревне ему были нужны все. Но и потерять транспорт и обратную часть пути топтать своим ходом он тоже побаивался. Лесник с усмешкой покосился на него.

– Да не бойся ты за свое барахло, – сказал он, кивнув на УАЗы. – Никто его здесь не тронет.

– А мародеры тут есть? – спросил Дронов.

– Есть.

Лейтенант нервно вздрогнул.

– Где?

– Да вот там, – старик указал направо, в глубину леса. – Все четверо лежат.

Подожли остальные. Кукольник посмотрел в ту сторону, куда указывал Лесник, и тоже усмехнулся.

– А-а, вот, значит, где они упокоились, – сказал он. – Слышал я про этих четверых дуралеев.

– И что случилось? – спросил Охлопко.

– Был такой Парикмахер. Из бывших вольных сталкеров. Сколотил группу отморозков, по Зоне шарил, приличным пацанам житья не давал. Пока с Фаленом не столкнулся. И пропал. Вместе с тремя приятелями.

– Они к Фалену в гости хотели зайти, – добавил Лось. – Только он их не приглашал.

Лейтенант снова вздрогнул. Вся эта ситуация ему уже не нравилась, однако Дронов постарался совладать с собой и бодро махнул рукой.

– Ну, пошли.

В деревне оказалось около полусотни домов. В большинстве своем, обветшалые, с покосившимися заборами, с заросшими, неухоженными садами, они располагались по обе стороны от грунтовой дороги, и выглядели абсолютно безжизненными. Лесник уверенно шагал впереди, изредка поглядывая вокруг. Дронов, два сталкера, Охлопко, еще двое солдат и их незадачливый фотограф шли следом. В самом конце деревни Лесник свернул к стоявшему слева от дороги дому, из печной трубы которого струился едва заметный легкий дымок. Это был обычный деревенский дом, три окна по улице и пристроенная справа веранда. Дронов обратил внимание, что изгородь на палисаде была заменена стальными прутьями, а поверху забора из толстых посеребренных досок хозяин дома протянул колючую проволоку. Заднюю часть фасада скрывал яблоневый сад, заросший настолько, что теперь напоминал непролазные джунгли. Создавалось впечат-

ление, что это было сделано специально. Если кто-то и решится штурмовать дом, ему придется атаковать в лоб.

Лесник остановился метрах в пяти от палисада.

– Не дергайтесь, – обернувшись к остальным, строгим голосом сказал он. – Нас уже давно заметили.

– Он, что, стрелять будет? – кивнув на дом, спросил лейтенант.

– Пришли бы вы без меня, он бы уже стрелял.

– Вот же, псих чертов...

Сурово глянув на лейтенанта, Лесник повернулся к окнам и крикнул:

– Эй, Фален! Разговор есть!

Внутри дома слышались шаги. Скрипнула половица. Потом хлопнула дверь, и на крыльце появился Фален, в толстом, под горло, черном свитере, и джинсах. Под высокими скошенными каблуками его «казаков» тускло поблескивали цепочки. В руке он держал SPAS-12 с укороченным стволом и с демонтированным прикладом.

– Давненько не виделись, – улыбнулся Лесник. – Как поживаешь, брат?

Водянисто-карие глаза пытливо скользнули по всем стоявшим людям.

– Спасибо, хорошо, – голос у Фалена был моложавым. – Что за разговор?

Лесник открыл было рот, видимо, собираясь рассказать о пропавшем мальчике, но тут рука Дронова с легким хрустом

выдернула из кобуры табельный ПМ. Через секунду прапорщик и двое солдат вскинули свои автоматы. Все четыре ствола нацелились на Фалена почти в упор.

– Не двигаться! – резко приказал Дронов. – Ты арестован!

Лесник тут же повернулся к лейтенанту. Лицо старика побледнело и напряглось.

– Это что за дела? – низким, не сулящим ничего хорошего голосом, спросил он.

Не обращая на него никакого внимания, Дронов повернул голову к стоявшему неподалеку парню с камерой. Тот сразу понял намек и начал снимать. Не опуская пистолета, лейтенант снова посмотрел на Фалена и продолжал:

– По приказу капитана Сабирова, ты будешь доставлен в штаб миротворческих сил. Советую сдать оружие и не сопротивляться. Иначе, мне придется применить силу.

Фален не шевельнулся. Его взгляд скользнул по солдатам, потом на губах появилась презрительная усмешка.

– Что ж вам все нейдет-то, а?..

– Положи ствол и руки за голову! – голос Дронова стал визгливым. – Быстро!

В этот момент Лесник сделал несколько шагов назад. Охлопко заметил его движение и перевел автомат на старика.

– А ты куда?! Стоять! – рявкнул прапорщик.

Услышав его окрик, лейтенант на мгновение обернулся, чтобы посмотреть, что там происходит. Но для Фалена этого

было вполне достаточно. Одним резким движением он перепрыгнул через дощатый бортик крыльца и укрылся за ним. Дронов выстрелил. Пуля с глухим стуком впиалась в дерево, выбив труху. В тот же миг все три «калаша» разом хлестнули по крыльцу. Несчастная древесина буквально вскипела разлетающимися во все стороны щепками. Прижавшегося к земле Фалена почти с головой накрыло трухлявой пылью. Кто-то громко вскрикнул, и Дронов вдруг обернулся, бешено замахал руками и истошно завопил:

– Прекратить огонь! Прекратить!

Выстрелы смолкли.

– Что случилось, товарищ лейтенант? – с недоумением в голосе спросил Охлопко.

Дронов не ответил. На земле ничком лежал парень с камерой, подогнув под себя локти, и лейтенант подбежал к нему. Но смотреть там, в общем, было уже не на что. Спина горе-фотографа оказалась пробита пулями в девяти местах. Дронов перевернул тело и шумно выдохнул:

– Твою ж мать...

Прапорщик тоже встал рядом. Его вердикт был очень коротким.

– На линию огня попал.

Грудная клетка парня была практически разворочена. Окровавленные клочья одежды жалобно торчали во все стороны.

– Каюк пацану, навывлет прошило, – сказал подошедший

Кукольник. — Двухсотый, сто пудов.

В этот момент позади раздался суровый голос Лесника:

— Ну, что, придурки, вдоволь наигрались?

Дронов и прапорщик сразу обернулись. Старик рывком распахнул плащ, и в его руках, словно бы по волшебству, оказался ППШ-41. Каким образом он умудрился прятать его, было непонятно, однако, шутить Лесник явно не собирался. Ствол приподнялся, и воздух прорезала короткая очередь. Солдаты тотчас пригнулись, когда над головами свистнули пули, а оба сталкера замерли, боясь сделать хоть одно неосторожное движение.

— Это вам для размышлений, — Лесник направил ППШ на лейтенанта. — А теперь кидаем железки на землю. И пять шагов назад.

Охлопко посмотрел на лейтенанта. Видя нерешительность военных, Лесник добавил, уже громче:

— Третий раз повторять не буду!

Дронов кивнул прапорщику и бросил пистолет. Следом на землю упали автоматы. Подавая пример остальным, лейтенант отошел на пять шагов назад, встав почти у самой дороги. Лесник отступил влево, не опуская оружия и продолжая целиться в противников.

— Все в порядке, Фален! — голос старика звучал бодро. — Можно выходить!

Он показался из-за крыльца, небрежно отряхивая свитер.

— Тебя не задела? — спросил Лесник.

– Нет.

– Вот же, черти паршивые... Придумали сказку, что тут ребенок пропал, и меня за нос водили...

Фален молча собрал лежавшее оружие и сложил на ступеньке крыльца. Потом подошел к убитому и присел на корточки, примостив на коленях свой дробовик.

– Кто его так? – спросил он, разглядывая труп.

– Понятия не имею, – не отрывая взгляда от военных, ответил Лесник. – Они же как палить начали, там уже и не разобрать было. Стрелки хреновы, твою богу душу мать...

Фален выпрямился. Его глаза прищурились.

– Забирайте его и проваливайте, – сказал он, кивком головы указывая на лежащее тело.

– Оружие вернешь? – слегка дрожащим голосом спросил прапорщик.

– Нет.

– Оно ведь казенное, – уже жалобно повторил Охлопко.

Лесник тут же рявкнул:

– Заткнись! Быстро взяли жмурика и шуруйте отсюда!

Охлопко тяжело вздохнул и дал знак обоим солдатам. Они подошли медленно, боязливо косясь на ствол ППШ, направленный им в упор, и подняли труп. Дронов первым зашагал по дороге, направляясь обратно к оставленным на другом конце деревни машинам. Следом пошел Охлопко, поглядывая, как два солдата несут тело. Двинулись было и сталкеры, но тут Лесник грозно покачал стволом.

– Э, нет, ребятки, – сказал он, хмуро сдвинув брови. – С вами мне перетереть надо. Останетесь.

Кукольник остановился. Взглянул на старика и мрачно кивнул, а Лось испуганно посмотрел на Фалена, как бы ища поддержки. Если уж он вояк отпустил, может, и его не тронет? Ведь никто из сталкеров не стрелял. Должен же Фален это понять. Лесник заметил его взгляд и недобро усмехнулся.

– А что ты на него смотришь? Тебе со мной говорить, голубок. Не с ним.

Едва военные скрылись из вида, ствол ППШ тотчас нацелился Кукольнику в живот.

– Что же ты делаешь, паскуда? – голос Лесника прозвучал с каким-то зловещим присвистом. – Своего же брата-сталкера воякам сдал? И меня решил обмануть?

Лицо Кукольника перекосилось. Он побледнел и бухнулся на колени.

– Лесник, я же не своей волей... Не убивай, брат... Христом богом молю... Вечным должником твоим буду... в отмычки к тебе пойду... Только не убивай...

Старик покачал головой.

– Какой ты мне брат, сука вилючая? Я же ведь из-за тебя хорошего человека под пули подставил. Что, нельзя было мне сигнал подать, мол, лажа с этим пропавшим мальчишкой? А, может, просто купили тебя с потрохами, а?

– Я ни гроша не взял, – замотал головой Кукольник. – Ей-

богу, ни гроша!

– Что-то ты больно часто всевышнего вспоминаешь. Нехорошо это.

– Я правду говорю! Клянусь! У Лося спроси!

– А что мне у него спрашивать? – взгляд Лесника скользнул по стоявшему рядом и трясущемуся от страха сталкеру. – Он же с рождения своих мозгов не имел, всегда в чужой рот заглядывал. И с тобой по Зоне болтается, потому что в собственной башке сквозняк.

– Не...не..не хотели мы, – пролепетал вдруг Лось дрожащими губами. – Заставили нас...

– Да ну? – усмехнулся Лесник. – Шкурничать горазды, а как отвечать, так поджилки трясутся?

Ствол ППШ ткнулся Кукольнику в лоб. Он закрыл глаза и жалобно заскулил:

– О, господи...Лесни-и-и-и-к!!!

Палец старика лег на спусковой крючок. Лесник повернул голову и посмотрел на Фалена.

– Ну, решай.

Сидевший на ступеньках крыльца Фален пристально взглянул на сталкеров и негромко сказал:

– Пусть уходят.

Ствол медленно отодвинулся ото лба Кукольника. Тот продолжал стоять на коленях, тело сотрясала крупная дрожь, а по щекам покатились слезы.

– Ладно, паршивцы, – Лесник отступил назад. – Будем

считать, что повезло вам сегодня. Фален жизнь подарил. Его решения я всегда уважал. И сегодня вас, шкурников, не трону. Но, не приведи Зона, еще раз мне на глаза попадетесь...Вы меня знаете. Не доводите до греха. А теперь чтоб духу вашего тут не было.

Кукольник, видимо, еще не до конца осознал, что остался в живых. Он стоял на коленях и хныкал. Лось, на удивление, сообразил быстрее. Подхватил товарища под мышки, приподнял и попятился к дороге. Суровый взгляд Лесника буравил обоих, пока сталкеры торопливо семенили прочь. Когда они скрылись за соседними домами, старик подошел к крыльцу, присел рядом с Фаленом и тяжело вздохнул.

– Н-да...Ну и дела...

– Они вернутся, – сказал Фален.

– Кто? Эти два недоумка?

– Нет. Миротворцы.

Лесник сокрушенно покачал головой.

– Что же ты им такого сделал? – спросил он.

– Не знаю. Может, из-за стычки на базе.

– Убил кого?

– Нет. Просто пинков надавал.

Лесник снова вздохнул.

– Ну, теперь-то, они за тебя крепко возьмутся.

– Я знаю.

– Может, у меня перекантуешься? Пока все не уляжется?

– Нет, – отрицательно мотнул головой Фален. – Это не

уляжется. Они и туда доберутся. А подставлять тебя не хочу.

– И куда пойдешь? К Затону?

– Больше мне идти некуда. Свои у меня теперь только там.

– Н-да, – опять покачал головой старик. – Вот же угораздило...

Фален привстал, потянулся и глянул на дом.

– Жалко все бросать, – сказал он. – Я уже здесь обжился.

– Но и оставаться тебе нельзя. Вояки вернуться, подмогу пригонят. И разнесут твою хибару в щепки.

– Да, я знаю.

Лесник отложил оружие, пошарил в кармане и достал кисет с табаком. Потом выудил из другого трубку.

– Покурим на дорожку?

– Покурим. Почему нет.

Чернобыль-4

Обычно, Сабиров умел чувствовать неприятности. Это помогало избавиться от ненужных проблем, когда ты явно не угодил начальству. Вовремя заметил, что где-то налажал и тотчас все сразу исправил. И тебе хорошо, и вышестоящее командование довольно мурлыкает, посылая отчеты еще выше. Однако, видимо, свой лимит везения на такие дела Сабиров исчерпал. И понял это тут же, едва переступил порог кабинета генерала Максименко, командира базы миротворцев.

– Вызывали, товарищ генерал? – открыв дверь, Сабиров вытянулся, как и было положено подчиненному, по стойке

«смирно».

Склонившийся над столом Максименко поднял голову.

– Заходи, капитан.

В кабинете находился еще один человек. Невысокий, крепкого телосложения, с большой проседью в густых светлых волосах. Он был одет как гражданский, в темно-серый свитер под горло и потертые джинсы. Увидев Сабирова, незнакомец посмотрел на него и почему-то вдруг усмехнулся.

На лбу у генерала пульсировала вена, что свидетельствовало о крайней степени нарастающего гнева. Сабиров это знал, ибо не раз уже получал нагоняй от начальства, и теперь пытался вспомнить, где допустил промашку. Но на ум ничего такого не приходило, и это забеспокоило Сабирова еще больше.

– Тебе офицерские погоны надоели, капитан? – спросил вдруг Максименко, ненавидящим взглядом сверля лицо своего подчиненного.

Сабиров немного побледнел.

– Никак нет, товарищ генерал. Не надоели.

– Тогда объясни мне, какого хрена ты там устроил?

Мозг начал буксовать от неожиданности, и, вкупе с возрастающим волнением, отказывался нормально работать. Иными словами, Сабиров попробовал вспомнить, где именно он что-то натворил, и не смог, поэтому вяло промямлил:

– Где, товарищ генерал?

Ладонь генерала с силой хлопнула по крышке стола.

– Дурочку не валяй! – рыкнул Максименко. – Ты зачем своих гавриков послал в Зону на разборки?

У Сабирова похолодело на сердце. Прошло двое суток, после того, как он отправил Дронова с патрулем на поиски того чудаковатого сталкера, который избил его солдат. Никакого доклада он, разумеется, не получил, и уже считал данный инцидент исчерпанным. Нашли и укокошили, как он и велел. За это время Сабирову еще пришлось оформлять несколько задержанных человек, пытавшихся пересечь Периметр, и об этом он вообще забыл. Чего только не случилось в Зоне, всего и не упомнишь. На Фалена никто протокол писать не собирался, просто нужно было изобразить арест, затем отвести подальше и пристрелить. А фотки, что должен был сделать Дронов, послужили бы хорошим предупреждением остальным сталкерам, мол, вот что бывает, если обижаешь миротворческий контингент. Показательная порка. Сабиров думал, что все уже улажено. Но теперь он в этом сомневался.

Генерал продолжал сверлить его взглядом.

– Ну? Чего молчишь?

– Товарищ генерал, это было после драки в баре, – проглотив комок в горле, выдавил Сабиров. – Один из моих ребят оказался в больнице, вот я и...

– А мне доложить никак нельзя было? – на скулах Максименко заходили желваки.

– Я...я подумал, что...времени не хватит...надо было действовать быстро, и я...

Генерал усмехнулся. Ядовито и с таким прищуром, словно увидел нечто уродливое и омерзительное. Потом повернул голову и посмотрел на незнакомца.

– Нет, вы только гляньте, – процедил Максименко. – Он думал. Тебе, капитан, думать вообще не положено. Вот из-за таких как ты, мать твою, инициативных, потом и случаются неприятности.

– Да что случилось-то? – почти выкрикнул Сабиров.

Максименко откинулся на спинку стула. И мрачно сдвинул брови.

– Позавчера, твой дуралей-лейтенант доставил в больницу труп, – сказал он, все еще с ненавистью глядя на Сабирова. – И уже вчера, ровно в четырнадцать ноль-ноль, мне позвонили прямиком из Киева. Убитого опознали, и, учитывая, кем он был, пришлось два часа объяснять, за каким лучшим его понесло в Зону. Но! Поскольку я ни хрена не знал об этом, вызвал твоего лейтенанта. И он написал рапорт, – генерал поднял со стола листок, – где подробно описал все произошедшее.

– Дронов мне не докладывал, – попробовал оправдаться Сабиров.

– Да что ты говоришь? – с едкой усмешкой сказал Максименко. – Конечно, он тебе не докладывал. Потому что сидел здесь. И докладывал уже мне.

– Товарищ генерал, я только...

– Заткнись. И слушай. После драки в баре, ты, ни слова не говоря, отправил Дронова с патрулем наказать виновника. И велел ему заснять расстрел. В это же время, на Периметре, был задержан молодой человек, не имевший при себе документов, но у него была фотокамера. По вполне понятным причинам, твой лейтенант взял его с собой вместо фотографа. Во время выполнения этого...гм...задания началась перестрелка. И этот пацан оказался на линии огня. Сейчас, конечно, уже ни черта не выяснить, чья именно пуля его доконала. Да, собственно, это и неважно. Важно другое. Этот парень был единственным сыном заместителя спикера Верховной Рады. И внуком главы кабинета министров.

Лицо Сабирова побелело и напряглось. Теперь он сразу все понял.

– Но я....товарищ генерал, я же...

– Этот пацан, насколько я знаю, был далеко не подарок. Травкой баловался, в ночных клубах зависал. И где-то его, видать, потянуло на приключения. Взял камеру и сунулся сюда. Твой лейтенант его задержал. И потащил с собой.

– Товарищ генерал, да я же...

– Сказано тебе, заткнись. Мне надавали по шее так, что я даже повеситься теперь не смогу. В Киеве поднялась волна. И сейчас этим делом займется СБУ.

С этими словами генерал перевел взгляд на незнакомца. Сабиров тоже повернул голову. Вот, значит, оно как. Этот

гражданский вовсе не гражданский. И не представитель правозащитных организаций или международного сообщества, или чего-то там еще. Он сотрудник спецслужб. У Сабирова мелькнула мысль, что его карьера закончена.

– В общем так, – сказал Максименко. – Поступаешь в полное распоряжение майора Пшелинского. Его слово теперь для тебя закон. Ты понял?

Сабиров снова посмотрел на представителя СБУ. Глаза Пшелинского с лукавым выражением скользнули по лицу капитана. Казалось, он будет и шутить, и издеваться одновременно.

– Ты меня понял, капитан? – еще раз, уже более грозно, повторил Максименко.

Сабирова словно дернули. Он вытянулся, руки по швам, голова вверх. И браво отчеканил:

– Так точно, товарищ генерал!

Периметр. База Д-3. На следующий день

Возле будки КПП, где вяло позевывал дежурный, изредка попыхивая сигаретой, остановились два черных «ленд-крузера» с тонированными стеклами. База выглядела как нельзя более мирной, несколько солдат копались в стоявших возле комендатуры бронетранспортерах, и даже не обратили внимания на гостей.

Захлопали дверцы. Из джипов начали входить совершенно незнакомые люди, причем, экипированные и с оружием,

что сразу вынудило лицо дежурного вытянуться в струну. Его сигарета так и прилипла к нижней губе, когда он смотрел на приехавших. Еще секунда и он, вероятно, поднял бы тревогу, однако, тут из джипа вылез Сабиров. Увидев капитана, дежурный отбросил курево и побежал к нему.

— Товарищ капитан, разрешите доложить... — начал было он, но Сабиров резко мотнул головой.

— Отставить. Сколько человек на базе?

— А-а... полный взвод, товарищ капитан. Гаврилов и Панченко еще утром с патрулем пошли, а меня вот назначили...

Сабиров повернулся и глянул на Пшелинского, словно бы спрашивая разрешения. Тот кивнул.

— Значит так, — сказал Сабиров. — Подготовишь БТР и машины для двух отделений с пулеметным расчетом.

— Слушаюсь. А кого на базе оставить?

— Сам и останешься. Через час подъедет пополнение. Понял?

— Так точно, товарищ капитан.

— Все. Выполнять.

— Есть!

Дежурный метнулся в сторону комендатуры, а Сабиров, сплюнул и посмотрел на Пшелинского.

— Не знаю, как вы хотите это проверить, но мне вся заваруха уже не нравится.

— Волноваться не нужно. Теперь это моя забота. И можно просто Вацлав. Без «вы».

Капитан еще раз глянул на него. Вацлав? Поляк, значит? У Сабирова прошел небольшой холодок по спине, когда он увидел людей, прибывших с Пшелинским. Сотрудники СБУ? Да, ни черта подобного. Никто из них не понимал ни слова по-русски. И, кстати, на державной мове тоже не говорил. Пока они ехали на базу, Сабиров слышал только английскую речь. Все девять спутников этого поляка более всего напоминали ушлых головорезов. Снаряжение вразнобой, у кого «калаши», у кого «эмки» или даже G-36С. Большинство имеет кучу наколок на теле. Да от них всех за километр несет наемным душком. Папочка и дедуля мертвого пацана раскошелились на профессиональных убийц. Вот и все.

А корочки СБУ можно состряпать где угодно, лишь бы платили.

Едва только поляк сказал Сабирову, что именно от него требуется, как тот молча согласился. Приказ генерала игнорировать он не посмел. И если Пшелинский хотел, чтобы миротворцы проводили его группу до места стычки с Фаленом, значит, его проводят. Целое, мать его, отделение. Да еще с пулеметом. Оставив базу без усиленного охранения в надежде, что пополнение подъедет чуть раньше намеченного. Вацлав ясно дал понять — никаких задержек. Ждать он никого не станет.

Однако, когда два грузовика и БТР пересекли Периметр, Пшелинский внезапно велел ехать прямо на Кордон. В километре от контрольной полосы поляк дал сигнал остановить-

ся. Сабирову это совсем не понравилось. Остаться на месте, да еще недалеко от границы Периметра, где они оказались практически как на ладони, это обстоятельство капитану абсолютно претило. И не потому, что вблизи от базы миротворцев могли устроить засаду сталкеры или еще кто-нибудь, просто он привык действовать по инструкции. А она, родимая, запрещала патрулю тормозить в пределах двух километров от границы Периметра. И писал эту инструкцию не какой-нибудь идиот, сидевший в теплом уютном кабинете. Нет, ее писал опытный военный сталкер, теперь заседающий в Верховной Раде. Он был первым командиром базы Д-3 и на своей шкуре изведal все прелести Зоны.

Пшелинский и еще двое его людей, ехавшие на бронетранспортере, спрыгнули на землю, и подошли к небольшому кустарнику, росшему у дороги. Несколько минут они оглядывались, словно бы выискивали кого-то, потом, один из них негромко свистнул. Сабиров вышел из кабины грузовика. И тоже посмотрел на кустарник. Ветки слегка шевельнулись. На дороге показался невысокий мужчина, одетый в сильно потертую разгрузку, круглую вязаную шапочку и державший в руках старенький АКМ. Он подошел к Пшелинскому и его спутникам. Судя по их оживленной беседе, можно было сделать нехитрый вывод об их давнем знакомстве. Сабиров нахмурился. Сюрпризов он не любил, но теперь всецело зависел от этого чертова поляка и его наемников, у которых, поди, сюрпризов-то окажется более, чем до-

статочно. Выждав несколько мгновений, капитан сплюнул и направился к ним.

Пшелинский заметил идущего капитана и тут же кивнул своим, мол, пора прекращать беседу. Остальные обернулись, равнодушно поглядывая на Сабирова. Его не боялись и не уважали. Просто не обращали внимания, будто капитан был всего лишь офисной мебелью. И глаз не мозолит, и выкидывать никто не станет. Опережая понятный вопрос Сабирова, поляк кивнул на незнакомца в шапочке и сказал:

– Это Мухомор. Наш следопыт.

– Следопыт? – прищурился Сабиров, глядя на него.

– Вроде того. Он сталкер. Местность хорошо знает. И работает на меня уже много лет.

Капитан нахмурился. Он думал, что поляк и его люди никогда прежде не бывали здесь.

– То есть как? – спросил Сабиров. – Вы уже ходили за Периметр?

Вацлав кивнул.

– Было дело. Поэтому они и позвонили мне.

– Значит...значит, вы послали своего человека еще до того, как...

Поляк снова кивнул.

– Мне сообщили о происшествии еще в Киеве. Осталось только узнать детали у генерала Максименко. Но я же не дурак. И, если нужно идти в Зону, лучше иметь там свои глаза и уши. Я связался с Мухомором и велел разнюхать, что

к чему.

Сталкер посмотрел на капитана и тоже кивнул.

– Плевое дельце, – голос у Мухомора был немного хрипловатый, словно он чуть надорвал связки. – У Сидоровича сейчас только парень его, Болт, и парочка жлобов, которые хабар скинули. Нагрянем сходу, никто и вякнуть не успеет.

Лицо Сабилова начало бледнеть.

– Вы, что, хотите арестовать самого известного торговца в Зоне?!

Пшелинский усмехнулся.

– Зачем же арестовывать. Мы просто поговорим.

– Поговорите? Черт побери, о чем?!

– Если я правильно понял, этот известный в Зоне торговец хорошо знаком с нашим подопечным. Вот пусть и поделится информацией.

У Сабилова вырвался тяжкий вздох.

– Вашу же мать! Информация здесь стоит недешево, и кто вам сказал, что Сидорович станет помогать бесплатно?

Усмешка поляка стала шире.

– А кто сказал, что я стану платить?

Кордон. Бункер Сидоровича

Такого Сабилов еще ни разу в своей жизни не видел. Мало того, что миротворцам пришлось оцепить всю полуразрушенную деревеньку, где и располагался бункер известного в Зоне торговца, так поляк еще и вломился внутрь чуть

ли не силой. Хотя, в большей степени тут сыграла роль простая хитрость. Мухомор, который, вероятно, когда-то таскал хабар к торговцу, вежливо постучал в люк. Разумеется, что сталкера узнали. И едва только открыли люк, как он тут же сунул ствол автомата в лицо Болту, помощнику Сидоровича, имевшему несчастье оказаться в бункере в тот момент. Еще двое сталкеров, уже сдавших свои находки Сидоровичу и явно собиравшиеся уходить, оказались, что называется, не в то время и не в том месте. Как только наемники ворвались в бункер, все трое были уложены на пол. Болт, правда, пытался сопротивляться, поэтому через несколько секунд его лицо, некогда щеголявшее обильной веснушчатостью, превратилось в опухшее окровавленное месиво, перекрасив багрово-бурым серый бетон. Всех троих положили на живот, руки стянули за спинами пластиковыми стяжками.

Сидорович тоже схватился было за оружие, да куда там. Ему в голову уперлись сразу четыре ствола. Пшелинский оглянулся, на его губах заиграла веселая усмешка, и кивнул своим людям. Двое наемников тотчас разоружили торговца, подхватили под локти и оттащили к дальней стене, вдоль которой проходили трубы системы водоснабжения. Трубы были толстые, в стальных плетеных коробах. Наемники перекинули руки Сидоровича за трубы и тоже затянули пластиковыми стяжками. Издали это было похоже на распятие мятежного гладиатора. Очевидно, что Сидорович не надеялся отделаться одним только разговором по душам, но он не ис-

пугался. С особой ненавистью торговец взглянул на Мухомора и выдавил:

– Падла ты самая распаршивая! Ты хоть помнишь, сука, чем мне обязан, а?! Сколько раз я тебя выручал, снарягу в долг давал, с нужными людьми сводил, а ты, гнида, вот так решил мне отплатить?!!

Сталкер лениво почесал кончик носа.

– Ты бы заканчивал бухтеть, Степа, – спокойно сказал Мухомор. – Ни хрена я тебе больше не должен. Двадцать восемь ходок. Из них четырнадцать – на Янтарь и Припять. Ты хоть знаешь, сколько дерьма я там навидался? Нет? Не знаешь? Конечно, не знаешь, ты же сам в Зону не ходишь, только нас туда посылать горазд. И ободрать норовишь, как липку, когда к тебе хабар несем. И вот не надо сейчас нести херню про то, скольких ты молодых сталкеров от смерти спасуберег, да как тебе тяжело базу держать на Кордоне. Я эту лапшу от своих ушей уже давно отодрал.

Торговец, с шумом выдыхая воздух, все еще с неистребимой злобой смотрел на говорившего сталкера. Но не сказал ни слова. А Мухомор, тем временем, продолжал:

– Короче, Степа, ты давай со своим героизмом тоже заканчивай. Тут серьезные люди хотят с тобой поговорить. Если ответишь честно, мы просто уйдем. И даже оцепление снаружи снимем. Если нет, ну...тогда, извини, сожжем твою берлогу к чертовой матери. Тебе расклад понятен?

Сабиров стоял неподалеку, слушал и удивленно моргал.

Обычно, торговца «Степой» никто не называл, всегда исключительно с уважением «Степан Сидорович» и никак иначе. Часто даже военные с Сидоровичем дело имели. И он им отстегивал, понятное дело, и они бывало, ему услугу оказывали. Налаженный бизнес – это ведь не носовой платок, в карман не запихнуть. Его беречь надо. И попутно связями обрастать. Сидорович так и делал. Потому и слыл одним из самых известных торговцев в Зоне.

Но теперь, глядя на спокойные лица стоявших перед ним наемников, Сидорович не был так уверен в своих силах. Против ветра, как говорится, особо не плюнешь, хотя торговец и понимал, что его могут убить в любом случае. Однако пока он раздумывал, его молчание не понравилось Пшелинскому. Он повернулся к одному из своих спутников, высокому крепышу с явно латиноамериканскими чертами лица, и сказал:

– Work with the old man. Just don't kill him.¹

Латинос кивнул.

– No problem.²

С этими словами он достал из своей сухарной сумки, закрепленной сзади на разгрузке, тускло сверкнувший кастет. Сабиров чуть было не ахнул. Неужели они будут бить торговца? Не может же этого быть! Но оказалось, что Вацлав не шутил. Будучи еще в офицерском училище, капитан зани-

¹ Поработай над стариком. Только не убей его. (англ.)

² Без проблем. (англ.)

мался боксом, однако все дальнейшее, что он увидел, показалось Сабирову действительно нереальным. Кто бы ни был этот латиноамериканский мачо, бить он умел первоклассно: выбрасывая руку на короткий выдох, с полуоборотом корпуса и полностью вкладываясь в удар. В сущности, он даже еще и не бил по Сидоровичу, а только лишь разогревался. Профессиональные вышибалы в любом баре назвали бы это «массажем живота». Обычно так делают, когда клиент зарвался, начал буянить или отказался платить. Каждый удар четко продуман и достигает цели. Никаких тебе разрывов печени или селезенки. Вовсе нет. Однако обработают таким образом, что обеспечат человеку на всю жизнь больной кишечник. И дадут основательную встряску нервной системе. Сабиров слышал, что далеко не все, прошедшие эту процедуру, смогли потом остаться полноценным мужчиной.

Привязанный к трубам торговец при каждом попадании кастета громко охал. Его голова металась в такт ударам, словно бы синхронизировалась с кулаком латиноса, а все тело Сидоровича вздрагивало. Прошло, наверное, минуты три, может, четыре, пока Пшелинский не подошел ближе и не коснулся рукой плеча наемника. Латинос обернулся, кивнул и отошел немного в сторону.

Поляк присел на корточки перед торговцем, чья голова тут же свесилась вниз. И участливо спросил:

– Будем говорить? Или ему продолжать?

Мухомор тоже подошел и рывком приподнял голову Си-

доровича.

– Ну? И чего молчим? Хочешь второй раунд?

Торговец был бледен и тяжело дышал. От бывшей храбрости не осталось и следа. Едва заметно кивнув, он прошептал:

– Что...что вам...надо?...

Поляк улыбнулся.

– Вот, видишь, как это просто. Зачем тянул?

– Я понял... – все еще тяжело дыша, сказал Сидорович. – Фалена ищите...

– Ты, мля, просто мысли читаешь, – осклабился Мухомор. – Где он?

– Не...не знаю...

Вацлав с Мухомором переглянулись. И поляк нарочито обернулся к мастеру кастета. Торговец увидел это и торопливо заговорил:

– Я, правда, не знаю...Лесник...он знает...он Фалена как сына...ну...считает за сына, что ли...

Пшелинский взглянул на своего следопыта. Мухомор только плечами пожал.

– Об этом многие слышали. Ничего такого необычного. Лесник тот еще фрукт, к нему просто так не сунешься.

Поляк кивнул, потом снова посмотрел на торговца.

– Хорошо. Ты знаешь настоящее имя этого Фалена? Когда попал в Зону? Как? Сколько тебе хабара приносит? Опытен? Или нет?

Бледное лицо Сидоровича внезапно начало источать зло-

радство.

– Про опыт, это ты вон у него спроси, – сказал он и кивком указал на стоявшего недалеко Сабирова. – Фален его пацанам наcostылял. Один, вроде как, даже в больничку загремел.

Капитан мрачно сдвинул брови.

– Это не смешно, мать твою!

– А с чего ты взял, что я смеюсь? – торговец хмыкнул. – Вы даже понятия не имеете, на кого решили охоту устроить...

– А ты расскажи, – сказал Пшелинский. – Или все-таки, начнем второй раунд? Эмилио уже заждался.

Латинос, услышав свое имя, вопросительно глянул на командира, но Вацлав дал ему знак, что все в порядке. Потом потрепал торговца по щеке.

– Давай, давай. Говори. И со всеми деталями. Я должен знать, как можно больше о человеке, за которым мы идем. Чтобы чувствовать, каков он будет на вкус.

Сидорович снова хмыкнул.

– Когда и как он очутился в Зоне, я не знаю. Лет семь или даже восемь назад, он пришел ко мне с Вентилятором и Маркизом. И уже тогда я слышал, как они звали его Фален.

– Вентилятор и Маркиз? – прищурился Мухомор. – Это те байкеры, что в Затоне сидят?

– Они самые.

– Значит, те самые...гм...Вентилятора я видел. Здоровенный как фургон, кулачищи – с голову быка, да мозги – вот

хуже, чем у первоклассника. А Маркиз, этот крутой. Говорят, образование у него. Фанфарон, конечно, но хватка будь здоров.

Поляк выслушал своего следопыта и спросил:

– Выходит, он с ними всегда был?

– Не знаю, – мотнул головой Сидорович. – Он, вроде, сам по себе. С ними работал, да, но чаще в одиночку ходил.

– И много хабара принес? – ухмыльнулся Мухомор.

Глаза торговца скользнули по лицу сталкера. Злорадно так скользнули.

– А он никогда ко мне ничего не носил.

– То есть как? – опешил Мухомор. – Все же говорят, что он только тебе товар сбывал и больше никому.

– Говорят, что в Киеве кур доят, – процедил торговец и закашлялся, видимо, свело живот.

– Врешь ведь, сука, – сталкер побагровел.

– Врать это только ты умеешь, – произнес Сидорович и снова покашлял. – Не сталкер он как таковой. Не вашей братии. И не был им никогда. Он – исполнитель. Я его нанимал, чтобы группы сопровождать. Незаметно. Без шума. Если надо, то помочь. Если кто захотел меня кинуть, к другому переметнуться, то тогда...

Торговец не договорил. И так было понятно, что Фален устранял ненужных или не оправдавших доверия Сидоровича людей. Мухомору это явно не понравилось. Зато поляк слушал очень внимательно.

– Значит, ты заимел себе настоящего наемника? – после небольшой паузы спросил Пшелинский.

– А как вы думаете, ребята, – взгляд торговца быстро обвел всех присутствующих, – почему же меня так редко грабили?

Мухомор фыркнул.

– Тебя попробуй, ограбь. Окопался, по самое не балуй.

– Ты же смог сюда войти. И другие смогли бы. Кабы я их не приструнивал время от времени.

– Сколько он завалил? – спросил Пшелинский.

– Не знаю. Не считал.

– Оплату брал наличкой или товаром?

– Это когда как. Но я ему и патроны доставал. И все, что потребуется.

– И, значит, имени ты у него так и не спросил?

– А за каким лешим мне его имя?

– Ну, сумел бы разузнать, кто он такой. Есть ли родня. Может, дети.

Сидорович попытался усмехнуться и в который раз закашлялся.

– Я тебе так скажу, парень, – торговец глянул поляку прямо в глаза. – Спросил я однажды у Маркиза, кто он и почему его Фаленом³ прозвали. Ну, с кликухой-то, конечно, это сам Маркиз удружил. Говорил, мол, когда этого Фалена встре-

³ Фален — декоративная порода собак, разновидность папийона, известна в Европе с XVI века.

тил, он собаку с собой везде таскал. Маленькая такая, шустрая, сообразительная. Но старый пес был, помер. И Фален очень по нему горевал. Вот потому Маркиз его так и прозвал. А кличка ведь не имя. Прилипнет, уже не отмоешь.

– Все сказочки рассказываем, – презрительно поморщился Мухомор. – Пряма, новый Рэмбо, да и только.

– А ты Купола помнишь? – внезапно спросил торговец.

– Ну, помню. И что? Он с братками из Темной Долины что-то не поделил. Сам, вроде как, в авторитете шастал, а потом кокнули его.

– Не братки его кокнули.

– Ты чего несешь? Я эту историю от самого Бармена слышал!

– Купол мне был должен. И пару раз кинул. Хорошо так кинул. Вот Фален его и успокоил.

Мухомор несколько мгновений смотрел на торговца. Потом замотал головой.

– Да не, фигня! Не может этого быть! Купол он...он с охраной всегда ходил...человек пятнадцать здоровенных таких барбосов с автоматами...Да нет...Не может такого быть....

– Твой Фален, выходит, что, снайпер? – внезапно подал голос Пшелинский.

– Утверждать не берусь, но стреляет он хорошо. Маркиз говорил, что у него родители – врачи. После того как Советский Союз рухнул, уехали в Англию. Там, видно, на гражданке он себя не нашел. И в армию подался.

– В армию, значит? – прищурился Вацлав.

– Ну, да. Специальная авиадесантная служба. Слышал о такой?

Поляк на секунду замер. Потом резко стиснул зубы и выдохнул:

– Да твою ж мать! Почему ты сразу об этом не сказал?!

Сидорович внимательно посмотрел на него. Будто знал, что сейчас творится в голове у Пшелинского.

– А, чтобы это изменило? Вас же всех послали его прикончить. Из-за того сопляка, верно? Земля слухами полнится, и я много чего слышал. Только думал, не мое это дело. Иначе дал бы Фалену новую цель.

– Опять борзеешь, Степа? – мрачно проворчал Мухомор.

– Говорят, у Фалена жена умерла. Вроде как носит он ее обручальное кольцо на шее, на кожаном шнурке. После этого, кажется, он в Зону и подался. Никого у него больше нет. Не знаю, правда или просто треп, звал его Рыбачка⁴ к себе в клуб, да он не пошел. Одиночка он. И, похоже, убивать ему так же легко, как тебе лоб почесать. Вот об этом и подумай, дружок, если рассчитываешь его встретить.

– Ну и натрепал же старый черт! – мотая головой, недовольно проворчал Мухомор, выходя из бункера. – Прямо Супермен какой-то, мать твою так!

⁴ Персонаж романа А. Шакилова "Каратели".

Поляк мотнул головой.

– Он был в SAS⁵.

– И что?

– По сравнению с ними, твой Супермен – это отстой.

Школьник в песочнице.

– Да, ну, херня. Я не верю.

Пшелинский вздохнул и оглянулся, потом дал знак Сабирову, что можно снимать оцепление и готовиться к отходу. Сам бункер наемники заперли. Капитан сперва хотел сказать, чтобы хоть освободили там всех, руки развязали, но поляк только хмыкнул. Мол, ничего, переживал Сидорович и худшие времена, переживет и это. Махнув рукой, Вацлав подозвал к себе сталкера и Сабирова.

– Будем исходить из того, что перед нами профессионал, – Пшелинский вытащил электронный планшет и несколькими тычками пальцев вывел на экран карту Зоны. – Значит, район Мартыново, где была драка с твоими солдатами, – поляк взглянул на Сабирова, – вот здесь.

– Да, это здесь, – кивнул капитан. – Если верить рапорту Дронова.

– Ему врать не с руки было. Собственные погоны спасал.

– Хорошо. Допустим, этот Фален все еще сидит там. И что дальше?

Поляк качнул головой.

⁵ SAS – Special Air Service, специальная авиадесантная служба. Известное элитное спецподразделение Великобритании.

– Он не сидит там. Он ушел.

– Тогда зачем мы туда едем? Раз там никого нет?

– А как ты следы искать собираешься? Или будешь на костях гадать, в какую сторону он ломанулся?

Мухомор поддержал поляка:

– У него выбор не богат. Либо он на север пойдет, к Леснику, либо на юго-восток, к Затону. Но в этом случае, ему надо будет к старой лодочной станции подойти. Не уверен, что кто-нибудь сможет преодолеть Припять вплавь, без лодки.

– А зачем ему на Затон идти? – спросил Сабиров.

– Если там Вентилятор с Маркизом все еще околачиваются, тогда нам его никогда не достать. У этой троицы есть какие-то свои правила. Вроде как кореша стали. И Маркиз знает кое-кого из охраны восточного сектора Периметра. Поможет выйти из Зоны.

Пшелинский задумчиво прищурился.

– Сколько отсюда до Затона?

– Дня четыре ходу. Это если без происшествий, – сказал Мухомор и усмехнулся, словно бы вспомнил о чем-то забавном. – А на колесах три дня.

– Тоже без происшествий? – кисло улыбнулся Сабиров.

Сталкер искоса глянул на него.

– Живыми дойдем, считай повезло.

– А ты на что? Для антуража?

Мухомор недобро сощурился. Поляк сплюнул и резко

оборвал назревающий конфликт.

— Так, а ну, заткнулись. Оба, — громко сказал он и поднял планшет. — Значит, вот как мы поступим. Сейчас выдвигаемся к Мартыново. Там быстренько все обшариваем, ищем следы и оттуда уже кумекаем, в какую сторону будем перехватывать нашего дорогого гостя.

— А к байкерам он не вернется? — вдруг спросил Сабиров. Поляк посмотрел на Мухомора. Сталкер лишь пожал плечами.

— Это вряд ли. Его в клуб уже звали, он отказался, а Гордей дважды уламывать не станет.

— Ладно, — решительно подвел итог Пшелинский. — Мы тут не на кофейные гущи гадаем. Сперва проверим его дом. И, учтите, господа, наверняка там все заминировано. Или еще какие сюрпризы будут. Не расслабляйтесь. Поняли?

И сталкер и капитан закивали в ответ. Именно этого, казалось, Пшелинский и ждал. Он убрал планшет, потом поправил ремень оружия.

— Все, пошли.

Фален лежал на поросшем густым кустарником гребне холма и внимательно наблюдал за околицей деревни, куда медленно вползал бронетранспортер. Перевалившее за полдень солнце тускло высветило побледневшую краску на бортах и башне, и только ствол 30-мм автоматической пушки

грозно втыкался в небо, выискивая невидимых врагов черным провалом дульного тормоза. Солнечные лучи пробивались сквозь порыжелую листву, бросая редкие блики на грузовик, ехавший следом за бронетранспортером. Фален скупой улыбнулся, глядя, как из-под брезентового тента начали выпрыгивать люди, увешанные оружием. Он насчитал примерно два десятка, включая миротворцев, и еще группу из десяти человек, которых ни один опытный человек никогда не смог бы спутать с кем-то другим. Наемники. Они держались немного в отдалении от солдат, россыпью раскинувшихся по проселочной дороге. Осторожные, как голодные волки, но от этого еще более опасные, наемники медленно приближались к его дому. Фален приподнял голову и посмотрел на верхушки ближайших деревьев. Неторопливый ветерок лениво шевелил уже изрядно опавшие кроны, стряхивая на землю остатки листвы. Отметив про себя направление ветра, Фален приткнулся к окуляру прицела.

Мощная цейссовская оптика позволяла рассмотреть даже самые небольшие детали снаряжения гостей, столь бесцеремонно вторгшихся в Мартыново. Разумеется, они догадывались, что их противник покинул свое пристанище, но, видимо, решили удостовериться в этом, а заодно и поискать следы. Стандартная тактика. Будь он на их месте, Фален бы сделал точно так же. Другой вопрос, что рачительный хозяин никогда не уйдет просто так, не оставив подарки своим незванным гостям. И Фален в этом смысле не являлся исклю-

чением. Он терпеливо ждал, машинально поглаживая пальцем спусковую скобу «маузера» 98k, и смотрел, как миротворцы берут его дом в кольцо. Фален ушел из деревни еще утром, потому что знал — во времени он сильно ограничен. Однако его враги появились намного позднее, чем он предполагал, и, хотя теперь долгое ожидание закончилось, он не испытывал облегчения.

По-хорошему, Фалену следовало бы уйти сразу, оставив парочку сюрпризов любителям поохотиться на него, однако, уйти вот так сразу он не мог, не взглянув на тех, кто пришел по его душу. Сейчас он их видел. И быстро понял кто они такие. Значит, вынужденная задержка оказалась не напрасной. Взгляд Фалена скользнул по пачкам патронов калибра 7,92 надежно укрытых в скатке брезента на рюкзаке. Он не рассчитывал, что выпустит все, потому что не собирался оставаться здесь дольше, чем необходимо. Да и боеприпасы не деньги, чтобы тратить их в Зоне без причины. А других причин все еще торчать на холме он не имел.

Несколько маленьких облаков на пару мгновений заслонили солнце, и блики стали погасли, словно задутые ветром свечи. Фален быстро отметил для себя положение первых двух противников, осторожно пробиравшихся вдоль забора, и уже хотел было нажать на спусковой крючок, как вдруг солнце вновь вынырнуло из-за облаков. Резкий отблеск металла, крутившегося в полутора метрах от крадущихся наемников, обнаружил весьма неплохую «карусель». Аномалия

распласталась невысоко от земли. Медленно кружившие обломки чего-то железного, плавающие вокруг нее, выглядели проржавевшими объедками на фоне серо-зеленой травы. Глаза Фалена прищурились. Он быстро посмотрел в окуляр прицела, потом приподнял голову, несколько секунд поразмыслил, оценивая шансы, и усмехнулся.

Наемники были, конечно, не такими опытными, как бывалые сталкеры, но дураками уж точно не оказались. Они заметили странное движение воздуха, остановились и обменялись парой жестов, собираясь обойти аномалию. Правда, они не имели ни малейшего понятия, что с соседнего холма за ними следят, и даже, если бы предполагали такую возможность, сделать бы все равно ничего не успели. Движение «карусели» еще не было опасным, но один-единственный выстрел был способен вмиг изменить ситуацию. И Фален, глубоко вдохнув, плавно выдохнул и нажал спусковой крючок.

Резкий глухой треск отголоском прокатился с холма, заставив всех внизу замереть как статуи. Но лишь на какую-то долю секунды, потому что опыт подсказывал этим людям немедленно лечь, когда они слышали звук выстрела. Пуля ударила в медленно кружащиеся обломки, и «карусель» тотчас ожила, начав бешеный разгон. Одного из наемников, оказавшегося ближе, притянуло почти сразу. Он попытался ухватиться хоть за что-нибудь, но пальцы зацепились лишь за сухой кустарник возле забора, и он превратился в ком растительной трухи. Через мгновение человека подняло в воз-

дух, закрутив не хуже космонавта в центрифуге. Его товарища тоже потянуло вверх, лямки снаряжения вздыбились, словно косогор, руки непроизвольно развело, и второй наемник так же не смог ни за что ухватиться. Между тем, получив дополнительную инертную массу, «карусель» стала кружиться еще быстрее. Фален отчетливо видел, как замелькали руки и ноги наемника, что-то сверкнуло, видимо, лопнула батарея рации, потом от разгрузки оторвались ручные гранаты.

А дальше произошло то, что обычно и происходило с «каруселью», когда она разряжалась. Только в этом случае, детонировали еще и гранаты, дав импульс намного больший, чем он был бы без них. Короткое огненное облако, взметнувшись вверх и в стороны, разметало остатки двух человек, высадило добрую треть забора и зашлепало вокруг радостным дождем осколков. Фален видел, как несколько миротворцев упали. Остальные бросились кто куда, стремясь побыстрее найти любое укрытие. Еще через мгновение, все внизу разразилось стрелковым безумием. Застрекотали автоматы, перепуганные люди, как это бывает, палили наугад, вымещая собственную ярость, смешанную со страхом, пули крошили соседние кусты, забор, деревья. Несколько фонтанчиков земли вздыбились у подножия холма, и Фален решил, что пора уходить. Гостей он поприветствовал, значит, рандеву можно считать оконченным. Он плавно, без рывка, открыл затвор и тут же ловко поймал вылетевшую гильзу. В

ноздри пахло слабым ароматом пороха. Фален уже хотел было сунуть гильзу в карман, но заметил слева небольшой раскидистый кустарник, закрывавший тенью от солнца.

На лице Фалена снова появилась усмешка. Разумеется, он обычно так не делал, и всячески маскировал следы своего присутствия, но в данных обстоятельствах решил, что неплохо бы было оставить врагам небольшой сувенир. В конце концов, они заслужили хоть каплю, но уважения, и просто уйти было бы верхом неприличия. Пусть знают, что он был здесь. Знают, что он мог бы пострелять не один раз, но ограничился только «каруселью». Знают, что в следующий раз им уже так не повезет.

Фален повернулся на бок, вытащил нож и потянулся к кустам...

Крики раненых были недолгими. Миротворцы шустро сновали от грузовиков и обратно, подбирая лежавших, забелели перевязочные пакеты, которые мигом пропитывались кровью. Сабиров, стиснув зубы от душившей его ярости, молча смотрел, как уносят получивших увечья. Нет, трупов больше не было, если не считать тех двух человек Вацлава, что нарвались на аномалию, но легче от этого не становилось. Ведь было же ясно, как божий день, что можно напороться на ловушку, но все равно пошли в лоб. И так глупо попались. Хотя, если рассуждать здраво, никто на свете не

попадает в ловушку по уму.

Поляк неподвижно стоял возле развороченного забора и смотрел куда-то вдаль. Мухомор был рядом, колдуя над своим детектором аномалий, и чертыхался. Сабиров подошел к ним, но его тут же оттолкнул один из наемников. Высокий хмурый бородач, совершенно бесцеремонно отодвинул капитана, и ухватил Пшелинского за плечо.

— John and Brian are dead!—Раздался хриплый голос наемника. — Do you hear that!? They're dead!!!⁶

— I hear. Don't scream.⁷

Бородач сжал кулаки и мотнул головой. Было видно, что он явно не в себе. Вацлав пристально посмотрел на него и сказал:

— They were paid enough. They knew what they were doing. ⁸

Наемник снова мотнул головой и выругался.

— Fuck! ⁹

Пшелинский кивнул.

— Tell the guys to be careful. We're going after that bastard. ¹⁰

Бородач что-то пробормотал и отошел. Сабиров проводил его мрачным взглядом и повернулся к Пшелинскому. Поляк сделал вид, будто только что заметил капитана, хотя, видел

⁶ Джон и Брайан мертвы! Ты слышишь!? Мертвы!!! (анг.)

⁷ Я слышу. Не кричи. (анг.)

⁸ Им платили достаточно. Знали на что шли. (анг.)

⁹ Твою мать! (анг.)

¹⁰ Скажи парням, чтобы были осторожнее. Мы идем за этой сволочью. (анг.)

его уже издалека, и улыбнулся.

– Чему радуетесь? – спросил Сабиров.

– Легко отделались.

– Легко?

– Да, всего два покойника.

Капитан миротворцев взглянул на ближайшие кусты. Все, что осталось от двух наемников, можно было соскребать с веток чуть ли не лопатой. И это называется, легко отделались? Сабиров посмотрел на грузовики, куда грузили раненых солдат. Ничего себе, шуточки у господина Пшелинского.

Поляк указал рукой в направлении холма.

– Он оттуда стрелял.

– Думаете? – Сабиров прищурился, пытаясь рассмотреть холм, но ничего подозрительного не заметил.

– Я уверен, – кивнул поляк.

– Тут полно мест для засады. Почему именно оттуда? И почему только один выстрел был?

На лице Пшелинского проскользнула снисходительная усмешка.

– А ему не надо было нас всех убивать.

– Добрый самаритянин? – ехидно осклабился Сабиров.

– О, нет. Только не он.

– Тогда что же это?

– Тактика.

Капитан миротворцев покачал головой.

– Какая на хрен тактика? Он же мог тут половину из нас укокошить!

– Да, мог, – кивнул Вацлав. – И сразу бы выдал свою позицию. А у нас броневилок ваш с пушкой. И сколько бы у него было времени, чтобы уйти? Как думаете? Или мне объяснять вам очевидные факты, капитан?

Сабиров скрипнул зубами. Он не любил, когда его выставляли дураком.

– Нет, объяснять не нужно, – процедил капитан миротворцев.

– Это хорошо, – поляк повернулся к Мухомору. – Ну, что там?

Сталкер смачно плюнул и замотал головой.

– Накрылся детектор. Кажется, ударная волна все схемы выжгла.

– Электромагнитный импульс?

– А черт его знает...может, и он...

Сабиров с сомнением посмотрел на Мухомора.

– Не слышал, чтобы «карусель» электронику жгла.

– Да хрен знает, что у этих аномалий за энергия. Но детектору точно хана.

Взгляд поляка снова устремился на холм. Вацлав качнул рукой, давая знак двум наемникам следовать за ним, и сказал:

– Ладно, господа, оставим пока дискуссию об электрике. Надо пойти и глянуть, что там.

При слове «господа» лицо Мухомора озарила веселая ухмылка. Он крикнул и посмотрел на капитана.

– Господа, значит...ну, ну...

– А сюрпризов не боитесь? – спросил Сабиров, глядя на поляка.

Тот мотнул головой.

– Нет, – он посмотрел на капитана и улыбнулся. – Не я же первый туда пойду.

На холм пошли группой из восьми человек. Сабиров шел вторым и постоянно чертыхался, глядя, как ловко и почти без колебаний наемники поляка поднимаются вверх. Мухомор осторожно вышагивал справа, и все время смотрел себе под ноги, очевидно, боялся, что их визави оставил сюрпризы в виде противопехотных мин. Латинос, который был впереди капитана, вдруг поднял сжатую в кулак руку. Потом пригнулся почти до земли, нырнув в густой кустарник, обрамлявший вершину. И коротко свистнул, давая понять, что все в порядке.

Поляк жестом велел идти вперед.

Сабиров поднялся, увидев, как Эмилио рассматривает что-то среди веток. Мухомор подошел ближе, присел рядом с ним, быстро осмотрелся и покачал головой.

– Вот же сукин сын, – пробормотал проводник.

– Что там? – спросил поляк.

– Автограф свой оставил. Черт бы его побрал, – Мухомор поднял с пожухлой листвы гильзу и протянул ее Вацлаву. – Даже не знаю, что и думать...

Пшелинский взял гильзу, повертел в пальцах.

– Семь девяносто два на пятьдесят семь, – задумчиво произнес поляк, обведя пристальным взглядом кусты. – Это «маузер».

Мухомор указал на чуть смятую сухую траву.

– Здесь он лежал. Точно здесь, – сталкер повернулся и посмотрел вниз с холма. – Отсюда и обзор хороший, и нам его шибко не достать было. Еще и ветки обломал. Нарочно, ведь сделал, гад.

Вацлав посмотрел туда, куда указывал проводник. Но взгляд поляка скользнул чуть дальше, на противоположный склон, где тоже была видна примятая трава, тянущаяся хорошо заметной дорожкой до самого спуска вниз.

– Это на юг, – сказал Пшелинский, внимательно осматривая склон. – Думаешь, он на юг пошел? Или это просто для отвода глаз?

Мухомор пожал плечами.

– А бес его знает, – ответил он, все еще качая головой. – Я таких утырков раньше не встречал. Хрен поймешь, что у него в башке.

Сабиров рискнул вмешаться и спросил:

– Если он мог уйти сразу, зачем стрелял?

– Это опять был глупый вопрос, капитан, – усмехнулся

Пшелинский.

– Почему? – обиженно буркнул Сабиров.

– Он нас предупредил. Не ходите, дети, в Африку гулять, – снова усмехнулся поляк. – И себя показал и на людей посмотрел. Черт, а этот парень начинает мне нравится.

Сабиров с недоумением посмотрел сначала на Вацлава, затем на Мухомора.

– Предупредил? Что значит, предупредил?

Пшелинский не ответил. Он отошел в сторону и начал о чем-то беседовать со своими людьми. Сабиров не стал прислушиваться, англоязычный говор его не интересовал, да и ни слова капитан не разобрал. Он обернулся к проводнику, лицо которого заметно побледнело. И снова спросил:

– Так что, значит, предупредил? О чем?

Мухомор мрачно мотнул головой.

– Дал понять, что лучше оставить его в покое.

Капитан хотел было возразить, что все это чепуха, но тут вернулся поляк.

– Пойдем небольшой группой, – сказал Вацлав и посмотрел на Мухомора. – Ты поведешь. Мои парни и еще человек пять твоих, капитан. Остальных, – поляк кивнул на скопление миротворцев у холма, – отправим назад.

Проводник с недовольным видом замотал головой.

– Хреновая идея.

– Поясни? – нахмурился Пшелинский.

– Этот хмырь точно знает, что делает. Если пойдет на юг,

значит, до Затона у него есть маршрут, который он заранее наметил. Он не будет метаться как испуганная шавка. Устроит засаду где-нибудь у переправы и перещелкает нас всех.

– Пойдем быстрее, быстрее и нагоним, – возразил поляк.
– Не успеет засаду сделать.

– Ты уверен? – с сомнением в голосе пробурчал Мухомор.
– Пока нас больше. Плюс, техника есть. Останемся небольшим числом, да без прикрытия...

– Нас слишком много, шумим, сильно заметны, – покачал головой Вацлав. – Надо ловить его по-тихому. Малой группой. Точно по следу. Не давать ему передышки.

Сталкер пожал плечами.

– Ты начальник, тебе и решать. Но все равно, хреновая идея.

– Не ной, – улыбнулся поляк и похлопал проводника по плечу. – Тебе хорошо платят.

– Так если б не это, – тяжело вздохнул Мухомор и угрюмо добавил: – Черта с два пошел бы я с тобой...

Солнце медленно, но верно клонилось к закату, едва пробиваясь сквозь серовато-сизые тучи, и отбрасывая низкие тени на траву. Фален чуть наклонился, осторожно обходя «жарку», что распласталась на просеке через редкий березняк, и обернулся. Позади не было слышно ни звука, лишь изредка позвякивали цепи на железнодорожном перегоне

неподалеку от Новоселок. Ржавые шпалы, местами уже растасканные, тянулись вдоль заросшего травой поля, кое-где окаймленного редкими деревьями. Поправив висевший на плече «маузер», Фален двинулся к ним.

Покинув Мартыново, он не сразу пошел на юго-восток. Сделал крюк в сторону Новоселок, обошел заброшенный скотный двор и завод по производству кормов, процветавший еще в советские времена, а ныне давно покинутый. Пару раз Фалену приходилось менять направление, чтобы обойти скопление аномалий, но больше ничего опасного он пока не встретил. Впрочем, условное пока еще ничего не значило. В Зоне как повезет: можешь пройти ее от начала до конца и только удивиться тому, как это людям удастся найти себе приключения на пятую точку. А можешь выйти за ворота того же Ростока и попасть на зуб к слепым псам или кровососам. Судьба, порой, бывала очень изобретательной на разные фокусы.

Поравнявшись с железнодорожными путями, Фален снова остановился. Он предполагал, что его преследователи, не рискнув топтать по Зоне всей толпой, пойдут за ним лишь одной или двумя малыми группами. Он понимал их цель. Гнать его без передышки, покуда не будет возможности зажать беглеца где-нибудь в таком месте, откуда уже не останется сил или возможности уйти. Это был своеобразный спринт, кто быстрее доберется до переправы через Припять. Только вот в Зоне никто, обычно, не бегают. А те, кто считал себя бегу-

ном, давным-давно отошли в мир иной.

От Новоселок Фален свернул чуть западнее, пройдя мимо Медового, заросшего лесом дачного поселка. Водоотвод в поселке был фактически уничтожен и разграблен сталкерами и мародерами, иногда промышлявшими в этих краях, и грунтовые воды сильно развезли грунт. Фален чертыхнувшись, увидев, как оставляет после себя хорошо заметные следы, но тут уж он ничего не мог поделать. С другой стороны, это было даже неплохо. Пока его преследователи поймут, что он просто сделал лишний крюк, словно петляющий заяц, Фален надеялся уйти дальше на юго-восток. Его посещали мысли устроиться на ночлег прямо в дачном поселке, чтобы оборудовать место для засады, но он почти сразу передумал. Местность была слишком заросшая, выгодная как ему, так и тем, кто шел по следу. А вступать в затяжной бой до того, как он подойдет к переправе, Фален не хотел. Чересчур неопределенными были плюсы такого боя, а уж минусов хоть отбавляй. В одиночку он мог не сдержать опытных наемников, явившихся по его душу, тем более, хорошо стимулированных наградой. И играть по правилам врага тоже не собирался. Измотать себя в подобной игре было проще простого, выиграть же, шансов почти нет.

Перебравшись через железнодорожное полотно, Фален присел, скинул рюкзак и достал карту. Он не знал, насколько экипированы электроникой его преследователи, и смогут ли они отслеживать сигнал, но решил не рисковать и не пользо-

ваться ни ПДА, ни планшетом. Детектор включал лишь секунд на десять-пятнадцать, и только тогда, когда был не уверен, что сможет определить аномалию. Да, очень опасно, но зато не засекут сигнал. Обычная бумажная карта, упрятанная в толстый целлофан, была более предпочтительным вариантом. По карте выходило, что впереди должен показаться еще один железнодорожный перегон, за ним Рудня, а дальше был выход к Каменке, через Череметовскую делянку. Этот маршрут был рискованным. Здесьние места контролировали «братки» Борова, хотя, дальше Рудни они ходили крайне редко. В другое время Фален бы обошел Каменку с севера, однако сейчас он оказался ограничен во времени. Он был уверен, что противники уже поняли, куда он идет. И попробуют всеми способами нагнать его или опередить, чтобы не дать выйти к переправе. В Затоне его не достать, они это тоже понимали, значит, будут пытаться перехватить его до реки. Впрочем, Фалену достаточно было дойти хотя бы до лодочной станции. А там уже будет легче.

Убрав карту, Фален отсоединил от строп «молли» дробовик и проверил патроны. На коротких дистанциях его SPAS-12 был бы гораздо опаснее карабина с оптикой. А Фалена терзали смутные сомнения, что ему, возможно, придется столкнуться с людьми Борова раньше, чем он минует Каменку. Надев рюкзак, Фален перекинул ремень «маузера» через плечо, взял дробовик наперевес и двинулся вперед.

Идти вдоль железнодорожной насыпи было куда легче,

чем по раскисшему грунту в дачном поселке. Неудобства доставляла только высокая трава, в которой могли прятаться аномалии, и их было бы трудно заметить. Фален посмотрел на темнеющее небо. Надвигалась ночь, и пора было задуматься о ночлеге. Он присмотрелся к стоявшим на рельсах старым вагонам, как вдруг где-то впереди послышались приглушенные голоса. Фален замер. Несколько мгновений он стоял, не шевелясь, и слушал. Голоса приближались, видимо, сюда шли два человека. Это не было аномалией, что тоже не редкость, и Фален, быстро оглянувшись, скользнул под один из ближайших вагонов.

– Вот скажи мне, с какого лешего мы сюда поперлись? – один из голосов был гнусавый, словно человек глотал слова перед тем, как их выговорить. – Если Люське так хочется сделать обход, вот пусть сама и идет.

– Не, слушай, нам же платят, – вторил ему другой, более моложавый и резвый голос. – Сколько бы мы забугорили, если бы тащили хабар на Кордон? А тут тебе, считай, одна прогулка и десятка на руки. Нормально же.

– Кому, на хрен, нормально? На нас с тобой она двадцатку потратит. А сколько сшибет с этого ученого?

– Да и пофиг. Лишь бы нам перепало. Где ты еще такую работенку надыбаешь?

– Слушай, мне фиолетово как там дела делают в Затоне, но здесь-то мы с тобой торчим. И Люське я не доверяю. Сво-лочная девка.

– Ага, ты только не вздумай такое ее отцу ляпнуть. На ленточки порежет.

– Да пошел он. Я тоже не пальцем деланный. Если что, могу и ножиком его рожу расписать.

Послышался смешок.

– Ну, да, распишет он рожу Арлекина. Размечтался. Он у них в Затоне казначей, и за него вся их банда вступится. А за тебя кто?

– Ты, конечно.

– Иди ты на хрен, я сразу смоюсь. На кой черт мне башкой рисковать? Не, мы, с тобой напарники, и на дело вместе ходим, но мозгами-то покрути. Зачем лишний раз на рожон лезть?

– Тоже мне, друг называется. Чуть жареным запахнет и ты сразу в кусты. Погоди, мне отлить надо...

Фален не видел говорящих. Оба остановились почти возле его головы, и он видел лишь часть старых камуфлированных штанов и две пары стоптанных армейских ботинок. Послышался непривычный звук. Кто-то расстегивал молнию. Потом зажурчало. В воздухе резко запахло мочой. Фален бесшумным перекатом выбрался из-под вагона, поднялся и направил ствол дробовика на обоих сталкеров. В том, что это были именно сталкеры, сомнений не возникало, едва он увидел их обоих. Один был высоким, с неуклюже нацепленным на тощее тело комбинезоном. Рябое лицо, с толстыми губами и большими глазами, очень худые ноги и несуразно вы-

паченный рюкзак. Это было первое, что заметил Фален, глянув на него. Второй был чуть пониже ростом, тоже худощавый и носил темно-синюю бандану. У обоих были «калаши», небрежно висевшие на плечах, словно мешки с картошкой. Рябой как раз расстегнул штаны и с неописуемым наслаждением мочился на рельсы. Фалена они не заметили, и когда раздался его голос, оба тотчас замерли, как каменные статуи.

– Стоять и не двигаться, – резко сказал Фален. – На меня не смотреть.

Оба парня словно приросли к земле. Журчание тоже прекратилось, точно его отрезали.

– Кто такие? – требовательно спросил Фален.

Рябой дернулся было влево, но ствол дробовика предостерегающе поднялся.

– Стой, где стоишь. Жить надоело?

Приятель рябого, видимо, был чуть более сообразительным. И понял, что мужик, внезапно возникший из-под вагона, с дробовиком наперевес, шутить не будет. Парень примирительно поднял руки.

– Чувак, ты это... не стреляй только, ладно?

– Ладно бывает в жопке поутру, – отрезал Фален. – Вы кто такие?

– Сталкеры мы, – сказал приятель рябого и торопливо добавил: – Клиента ведем.

– Сталкеры? Откуда?

– Вольные мы. Не стреляй, чувак, мы...это...в дозор нас

отправили...

– Дозор, говоришь? Хреновые из вас дозорные. Кто еще с вами?

– Еще двое. Люська и ученый.

Фален прищурился.

– Люська? Какая Люська? Смерть – На – Месте?

– Она самая, – сталкер повернул голову. – А ты откуда знаешь, как...

– На меня не смотреть, – Фален нацелил ему в голову дробовик. – Что за ученый?

Парень пожал плечами.

– Ученый. Откуда, не знаю. Сказал, что хочет пройти из Затона на Янтарь. Позавчера в баре у «Всадников Смерти» нас нанял. Вернее, не нас... Люська пришла, сказала, есть работа.

– Мы... мы возле перегона заночевали, – добавил рябой. – Люська сказала, их пацанам сообщение было, какого-то важного дядьку из клуба гонят наемники. И велела сходить в дозор...

– Вас двоих?

– Она сама с ученым на перегоне осталась.

– Перегон возле Рудни?

– Он самый. Левее поля.

Фален кивнул.

– Хорошо. Теперь снимайте стволы и кладите на землю.левой рукой. Так, чтобы я видел.

Сталкеры переглянулись между собой. Наверняка, подумали, что незнакомец их сейчас убьет. И оба побледнели. Фален повторил:

– Стволы на землю. И побыстрей. Темнеет уже.

Оба автомата с гулким стуком упали на гравий возле насыпи.

– Теперь пистолеты. И медленно, без фокусов.

Следом за «калашами» упали ПМ и ТТ, оба потертые и чуть тронутые ржавчиной. Фален покачал головой. Доходяги, пашут за мизер, на нормальную снарягу и стволы денег, видимо, нет.

– Десять шагов вправо. Быстро.

Они подчинились, но с видом обреченных овец, которых вот-вот отдадут на заклятие. Фален подошел, подобрал автоматы, и отшвырнула оба пистолета ногой под вагон. «Калаши» он повесил себе на плечо, сразу ощутив, как вес стал больше. Потом скомандовал:

– Теперь повернулись. Оба.

Сталкеры развернулись, стараясь не поднимать глаз на незнакомца. У рябого тряслись губы. Не застегнутый гульфик его штанов открывал на всеобщее обозрение детородный орган, повисший вниз, как сосиска на веревочке. Фален поморщился.

– Застегнись, – сказал он. – Так ты всю Зону распугаешь. Парень виновато закопошился со штанами.

– Как звать?

– Ч-что? – напрягся приятель рябого.

– Звать, говорю, как?

– А, это...я Блоха, – ответил он, видимо, питая надежду, что смерть обойдет их сегодня стороной, и кивнул на товарища: – Это Клюква.

Фален сдержал смех. Ну, надо же. Блоха и Клюква. Кто же их наградил такими прозвищами?

– Значит, так, – сказал Фален, указав вперед стволом дробовика. – Топаете передо мной. Чуть кто дернется, разряжу дробь промеж лопаток. Это ясно?

Парни закивали. Клюква, который уже привел в порядок свое хозяйство, посмотрел на Фалена. Побаивался, вероятно, что как только пойдут, так сразу их пристрелят. И спросил:

– А куда топаем то?

– К ночевке вашей. Хочу на ученого глянуть. И с Люськой поговорить.

– А ты Люську, выходит, знаешь? – шмыгнув носом, спросил Блоха.

– Не твое дело, – отрезал Фален. – Шагайте. Быстрее. Я всю ночь гулять не хочу.

Свет от костра ярко мерцал в промежутках между зданиями железнодорожной ветки, отражаясь от старой кирпичной кладки. Уже стемнело, стало чуть прохладнее, и сырой воз-

дух облачками вырывался из ноздрей сидевшего возле костра человека. Он был довольно молод, с кудрявой шевелюрой, обрамлявшей лицо с пытливыми, чуть нагловатыми глазами. Комбинезон ученого, оранжевый с желтыми полосами на спине и коленях, был выцветшим. Видно давно уже его обладатель не надевал обновки. Ученый сидел спиной к насыпи, оружия у него в руках не было, но Фален заметил на поясе кобуру с «макаровым».

Беспечность позы ученого лишь раздражала. Для Фалена, как для человека, привыкшего к постоянной угрозе, это было сродни преступлению. Вот так вот, просто сидеть и любоваться пламенем костра, в то время как вокруг полно смертельной опасности. Ах, да, романтика. Зона, песни под гитару, мы не такие как все. Ну, конечно. Богатый духовный внутренний мир. Как показывал опыт, тот самый, что напрямую граничил с суровой реальностью, здесь романтики не выживали. А, если каким-то чудом могли прожить год или два и даже три, все равно завершали свой путь в могиле.

Ученый был настолько поглощен созерцанием костра, что даже не удосужился повернуться, когда шедший перед Фаленом Блоха то ли случайно, то ли нарочно, наступил на сухую ветку, валявшуюся на земле. Она громко хрустнула, но ученый и бровью не повел. Фален с силой толкнул сталкера стволом дробовика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.